

Акулы из стали. Аврал (сборник)

Автор:

Эдуард Овечкин

Акулы из стали. Аврал (сборник)

Эдуард Анатольевич Овечкин

Легенда русского Интернета

Никто, даже из людей служивших, толком не знает, кто такие подводники. Что уж говорить о людях подозрительно гражданской внешности? Как и зачем они туда идут? Чем занимаются в то время, когда не щурятся навстречу соленому ветру? Как проводят свободное время? У них вообще оно бывает? Что, правда они никогда не болеют? А психика страдает? А деформируются в машины из стали и крови или все-таки остаются обычными людьми? Да из одних вопросов можно написать небольшую повесть! А пока такой повести нет, вот – берите и читайте этот сборник рассказов. Технически он третий, но все книги автономны, и изучать их можно в любом порядке. Отчего они юмористические, если тема такая серьезная? А знаете, иногда (на самом деле почти всегда) засмеяться – единственный способ не сойти с ума.

Эдуард Овечкин

Акулы из стали. Аврал (сборник)

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Э. Овечкин, 2017

От автора

Захотел я, как автор, поблагодарить людей, помогавших мне с книгами, но, когда прикинул их список, то понял, что благодарность мне, пожалуй, придётся выпускать отдельным томом. Тем не менее, вкратце, я хочу поблагодарить:

Мою жену Людмилу за неоценимую помощь и терпение.

Моих детей Еву и Эрика за вдохновение.

Александра Михайловича Покровского за то, что он есть.

Вадима и Маргариту Арьковых за весь Таганрог.

Дмитрия и Галину Филатовых за самый гостеприимный дом, завёрнутый в бумагу.

Алексея и Марианну Болотовых за многолетнюю дружбу и доброту.

Константину Соколову за острый глаз и твердую руку.

Ольгу Крючкову за знание русского языка.

Рауфа Харисыча – за Хафизыча.

Всех моих сослуживцев и коллег за созданные и подаренные истории.

Марка Нопфлера за лучший в мире фон для написания чего бы то ни было.

Естественный отбор

Первое, чему я удивился, попав в дивизию атомных подводных лодок, – простецкие отношения между людьми. Не панибратские, не неуважительные, а именно простые. Дежурный по дивизии, когда увидел, что я пытаюсь замаршировать в его рубку строевым шагом, замахал на меня руками:

– Расслабься, сынок! Это тебе не парад!

Ну как тут расслабишься – целый капитан первого ранга же сидит и что-то в журнале пишет.

– Тащ капитан первого ранга! – начинаю торжественный доклад, как учили.

– Да всё я знаю, – перебивает меня дежурный, – прибыл для прохождения и так далее. Кто по специальности-то?

– Киповец, – говорю.

– Жалко, что не минёр, я б тебя к себе забрал. Мне минёр позарез нужен. Не хочешь быть минёром? Хуле там – одна труба и три клапана.

– Никак нет, – говорю, – я в механики хочу!

– Ну, смотри, я тебя предупреждал. Пошли, отведу тебя к механикам.

Поднимаемся на второй этаж штаба дивизии, там огромный (мне тогда так показалось) коридор с кучей кабинетов.

– Маслопупые! – кричит капитан первого ранга. – Я вам лейтенанта привёл!

Откуда-то из кабинета выскакивают два офицера: один высокий, полный и бородатый капитан первого ранга (начальник электромеханической службы) и среднего роста худощавый капитан второго ранга (флагманский электрик).

– Лейтенант! Ну наконец-то! – кричит бородатый. – Я уж думал, что опять нас кинут. Иди к нам в горячие объятия, лейтенант!

Покидаю приветливого капраза и иду в кабинет к этим странным людям. Странные люди сидят и пьют чай на сваленных в кучу на столе схемах, бумагах и фрагментах скатерти.

– Садись, лейтенант, – они смахивают с табуретки ещё какие-то схемы на пол. – Чай будешь?

Конечно, я бы выпил чаю: непривычная жара и целый день на ногах то по штабам, то по автобусам.

– Спасибо, – говорю, – но нет.

– Стесняешься, небось, при таких-то шишках?

– Есть немного.

– А не надо! – говорит мне начальник электромеханической службы. – У нас тут всё по-простому. Если ты – гондон, то от нас быстро съебёшь, а если нормальный парень, то можешь с нами даже запросто и чай пить. Ты гондон?

– Да нет, вроде нормальный парень.

– Ну тогда садись и пей чай.

Сидим пьём чай.

– Какой у тебя средний балл? – спрашивают.

– Четыре и шесть, четыре и семь где-то.

– А ещё что есть?

– Курсы военных переводчиков закончил.

– Это тебе особенно в трюмах пригодится! – смеются. – В море-то ходить хочешь? Или на отстойник сейчас будешь проситься?

– Конечно, хочу, чего бы я сюда ехал тогда?

– Ну хуй тебя знает! А почему хочешь-то?

– Ну... это... романтика там и всё такое.

Опять ржут:

– Рома-а-анти-и-ика-а-а!!!

– Да это вы в романтике просто ничего не понимаете! – набираюсь я смелости, видимо, от чая.

– О, наглый, это хорошо. На ТК-20 пойдёшь.

НЭМС берёт трубку телефона и звонит:

– Серёга! Метнись-ка мне быстрым оленёнком и вызови Хафизыча к телефону!.. Ну и что, что пенсионер? НЭМС сказал – оленёнком, значит – оленёнком. Попизди у меня ещё тут!

Дышит в трубку.

– Хафизыч! Ну, танцуй!.. Танцуешь там? Чо-чо. Лейтенанта тебе отрыл с боем. Что «спасибо!»? Не булькает твоё спасибо. Три литра мне должен теперь... Да ты ещё поплачь мне! Ага, «три» я тебе сказал, иниибёт! Счас пришлю его к тебе.

Подводит меня к окну:

– Вон, – говорит, – видишь «Акулы» стоят? Твоя третья слева. Иди.

Иду. На пирсе лысоватый человек татарской наружности орёт на матроса с автоматом:

– Да ты знаешь, как у нас ебут? За хвост – и об палку! Ещё раз, блядь, увижу, и дорогая не узнает, какой у парня был конец!

Поворачивается ко мне. На бирке написано «КБЧ-5». Он самый, значит.

– Ну, добро пожаловать на борт, лейтенант.

Спускаемся в центральный.

– Вот, – показывает механик на самый большой пульт в ЦП, – это твой «Молибден», у нас он называется «пианино». Единственное, что мне от тебя нужно, чтоб ты на нём хуярил, как Ван Клиберн на пианине! Всё остальное – пыль и суета. Пошли пульт ГЭУ покажу.

Спускаемся в восьмой. Механик со мной на прицепе врывается в какую-то каюту. В каюте в обнимку с перегаром спит тело.

– Вот, Эдуард, знакомься, это тело зовут Владимир, и он один из двух киповцев ГЭУ. Как бы твой коллега по нихуянеделанью.

– Чо это нихуянеделанью? – возмущенно бурчит тело.

– Вова, какой ты пример показываешь лейтенанту! Ну, ёб твою мать! Где ключи от пульта?

– Ныармальный. Нормальный я пример показываю лейтенанту, – бурчит Вова и вытаскивает из кармана связку ключей, – закроете там потом всё.

– А ты не прихуел ли, Владимир?!

– Хафизыч, ну пожалуйста, ну сам же вчера...

– Всё. Дохуя пиздишь, – и механик выводит меня из каюты.

Меня поселили в соседнюю с Вовой каюту. А с Вовой жил ещё Андрей Борисыч, старый и опытный командир первой трюмной группы. Шефствовали они надо мной, вроде как.

Помню, однажды поспорили с начхимом в отсеке, просто поспорили и перешли на повышенные тона. Так они оба выскочили из каюты с криком:

– Кто тут нашего лейтенанта обижает?!

А начхим Дима ровесник с Вовой был, Борисыч-то постарше.

– Ну, я!

– Головка от хуя! А в глаз? Это наш лейтенант, и тока мы имеем право на него орать!

Ну, шутили, в общем-то. У нас крайне доброжелательная обстановка была в экипаже.

А за механиком нашим вообще можно ходить с блокнотом и записывать. Или на камеру снимать, когда он злился. Злился он редко, правда, но изображал из себя татарина в этот момент. Ну, так-то он и так был татарином, но в моменты расстройств изображал монголо-татарина, который отбил от орды и как-то случайно попал в Мурманскую область.

– Лёня, – звал он интенданта в кают-компанию и тыкал пальцем в суп, – что это тут наплёскано у меня в корыте?

– Это щи, – удивлялся Лёня такой кулинарной необразованности целого подполковника.

– Щи? Лёня, да про них даже нельзя сказать «хоть хуй полощи»! Мой мазутный в них даже не пополощется! Где мясо, Лёня?

– Мясо во втором блюде!

– Да? А косточки, может, в третьем? Лёня, ты видишь эти руки?

Лёня внимательно смотрел на вытянутые к нему ладони и утвердительно кивал головой.

– Эти руки, Лёня, носят твою тушку по глубинам северных морей. И если эти руки начнут дрожать от недостатка мяса в организме, то ты, Лёня, в этих северных морях и останешься на всю свою яркую, но недолгую жизнь! А посмотри на Эдуарда!

Лёня смотрел на меня.

– Он же цистерны главного балласта продувает своими пальцами! Он же, как Икар, тебя к солнцу выносит и кислороду, а тыбля что? Капусту ему в воде варишь, как козлу какому?

А ещё механик носил ключи на широкой зелёной резинке от ПДУ и надевал её на лоб, как самурайскую повязку, когда думал. Ключи при этом болтались над правым ухом.

– Эдик, ну что у тебя с холодилькой?

– Да не могу разобраться, что-то автоматика там не хочет автоматить. Горит один предохранитель всё время, а из-за чего, не могу вычислить.

И он надевал резинку на голову:

– Неси схемы!

Несу. Разворачиваем.

– Блять, так они по размеру больше, чем стойка управления от неё!

Смотрим в схемы, водим по ним пальцами и понимаем, что ни хуя не понимаем.

– А гвоздик пробовал вставлять? – спрашивает механик атомного подводного крейсера стратегического назначения.

– Какой гвоздик?

– Железный, Эдик, банальный железный гвоздик!

– Куда?

– Куда не ходят поезда! Пошли!

Лезем в трюм седьмого.

– Снимай крышки со стойки!

Снимаю крышки, механик вставляет гвоздь вместо предохранителя и прижимает его эбонитовым колпачком.

– Врубай и смотри, откуда дым пойдёт.

Врубаю, холодилька радостно работает и холодит, а из одного блока валит дым. Вырубаю холодильку, меняю блок, ставлю предохранитель, запускаю. Работает, сука.

– Учись, студент! Гвоздь дарю.

И механик снимает с головы резинку (думать-то больше не надо) и, напевая что-то себе под нос, уходит с чувством выполненного долга.

Потом уже я вспомнил слова НЭМСа про гондонов. И, действительно, ведь ни одного не было. Были люди умнее, тупее, веселее, серьезнее, с пристрастием к алкоголю и ведущие здоровый образ жизни, спокойные и сумасшедшие, но гондонов не было. А если и появлялись, то быстро куда-то исчезали.

Естественный отбор в исполнении подводных сил Северного флота, я считаю.

Немного о дружбе

Вам когда-нибудь хотелось выпить чая так, что ломило зубы аж до самой поясницы? Вот и мне – нет, хотя теоретически я такую возможность допускаю. У нас с вами чай – это не то, что в остальном мире: вода и листья заварки, а некая метафизическая сущность, которая в зависимости от настроения может служить другом, психотерапевтом, любовницей, никотином или транквилизатором, а также борщом, красной икрой или дорогим вином. Удивительно, что русским его продают без рецептов, правда?

Вот захотелось как-то Максиму выпить чаю так, чтобы зубы заломило по колено. Не то чтобы самому захотелось и на голом месте без малейшего повода, а просто он вышел от старпома после проверки документации своего отсека. Старпом же у нас был как Паганини, только наоборот: Паганини мог настроить скрипку так, что на ней любой козодой рвал бы консерватории, а старпом мог расстроить нервную систему так, что любой Иммануил крепко задумался бы о бесполезности своего существования.

Обнаружив у Максима пару незначительных для обычного человека ошибок, старпом в мягких и тёплых выражениях выразил своё удивление, как можно перепутать темы для летнего и зимнего периодов обучения, получив хотя бы три класса церковно-приходской школы, а тут целый офицер с высшим образованием и так возмутительно безмозгл. Вот уж бывают чудеса на свете, да? Поинтересовался старпом у Максима и на прощание дал ему отеческий совет броситься с рубки головой об палубу, возможно, тогда в неё немного разума засосёт из Вселенной через щель в черепе.

Совет, конечно, дельный, подумал Максим, но вряд ли его оценила бы супруга Наталья, так как один ребёнок (девочка) у них уже имелся и второго (мальчика) они ожидали с недели на неделю буквально. Хорошо, конечно же, с двумя детьми на руках иметь умного мужа, но живого всё-таки лучше. «А поэтому не выпить ли мне чая вместо столь радикальных мер?» – подумал Максим и полез в сумку проверять, что ему собрала с собой жена на службу. Как назло, сегодня в сумке был только кофе, а кофе в таких ситуациях абсолютно непригоден –

только чай. И чая-то этого вечно запасы были в любой каюте на пару недель автономного им питания, а тут – ну ни крошки ни в одном шкафчике!

– Эдик! – пришёл ко мне Максим с пустой кружкой наперевес. – А не поделишься ли ты со мной чайком?

– Максим! Ну ты же как брат мне, я даже почкой с тобой готов поделиться, но вот именно чая и нет! Хочешь кофе? Или почку?

– Нет, кофе у меня у самого есть, но он совершенно непригоден для лечения душевных ран! А про почку я запомнил, да.

– Ну пройдишь по пароходу, Макс. Ну что, чая не найдёшь, что ли?

– Пройдусь, – вздохнул Максим и, баюкая кружку, растаял в полутёмных недрах.

Во время своих скитаний Максим нашёл много раз кофе, сигареты, сосиски, стакан шила, пельмени, банку борща, полбутылки армянского коньяка, бульонные кубики, шоколадку, пряники, печенье и совет всё-таки сброситься головой с рубки (это он к старпому за чаем зашёл), сёмги слабосолёной один, но довольно большой кусок и банку тушёнки. Кроме того, он помог командиру параллельного отсека загрузить насос, лейтенанту найти РЦН в тринадцатом отсеке и боцманам распределить флаги расцветивания в необходимом порядке – вот такая вот чайная засуха случилась на корабле именно в период острой максимовой чайной жажды. И было это тем более странно, что экипаж ударными темпами готовился к сдаче первой задачи, и чай в такие периоды обычно лились реками. Но и не такие странности приключаются в нашей объективной реальности, правда?

Мне готовиться было не в пример проще, чем Максиму: отсека у меня не было и матросов в подчинении тоже, а самый младший мичман в группе служил на пару лет дольше меня. То есть гипотетически я мог обучать их теории вероятности или основам софистики, но вот по установке холодильных провизионных камер или автоматике компрессора ЭКСА25 надо было ещё посмотреть, кто кого учил бы. Поэтому вся моя документальная подготовка заключалась в замазывании корректором старых дат и аккуратном рисовании новых. Как и положено боевому офицеру, к заполнению документации я проявлял максимальное

пренебрежение и откладывал его до самого концевого выключателя. Но, как известно из основ философии, сколько веревочку ни вей, петля на ней всё равно завяжется. И я параллельно с Максимом ушёл на поиски, но не чая, а корректора, потому что мой подрезал, очевидно, такой же боевой офицер вроде меня. Поспрашивав для порядка там и сям, я отправился туда, где корректор точно был – к начхиму.

У нашего начхима вообще было всё, что можно себе вообразить для ведения документации и заполнения формуляров: ручки шариковые – минимум трёх цветов, чернильные – синяя и чёрная, карандаши простые разных твердостей, карандаши цветные (все заточенные, как пики янычар), точилка, линейки, транспортиры, циркуль, стирки, шило, веревочки и, само собой, корректор. Подонок, одним словом, а не офицер.

Начхима в каюте не оказалось, что несколько даже и кстати вышло – не надо было спрашивать разрешения, и я просто уселся в его каюте на его стул, разложил свою документацию на его столе и, закусив удила, начал мазать по ней налево и направо его корректором. Именно за этим и застал меня Максим.

– Дима! – крикнул он радостным голосом, открывая дверь в каюту. – Э.... Эдик? – добавил, войдя в неё.

– Максим?

– У тебя же всё ещё нет чая?

– Всё ещё нет, да.

– А где Дима?

– А откуда я знаю?

– А у него есть чай?

– А мне откуда знать?

– Ну ты же тут сидишь...

Логично. Вообще логично было предположить, зная нашего начхима, что в его крохотной каютке найдётся практически всё, за исключением разве что папы с мамой. Я посмотрел вокруг и обнаружил в глубине секретера пузатенький заварочный чайник белого фаянса с золотыми якорями на боках. При взвешивании на руке и болтании чайник булькал и что-то переливал внутри себя.

– Ты знаешь, Макс, а вот есть!

Видели бы вы, как расцвёл лицом Максим от этой, казалось бы, столь незначительной новости.

– Плесните волшебства в хрустальный мрак бокала!

– Сильвупле.

– А чайник есть у него?

– Это же начхим, Макс. Конечно же, есть.

– Ну тогда я прямо здесь и попью, чтоб не расплескать.

– Не имею поводов возражать, мон женераль.

Свободного пространства в маленькой двухместной каюте начхима было ровно один метр от шкафа до секретера и один – от двери до дивана.

– Я уж как-нибудь, я уж где-нибудь.... – кряхтел Максим, пролезая по моей спине на диван.

– Да, конечно-конечно. Ни в чём себя не стесняйте.

Упав на диван и вытянув ноги мне под стул, Максим долил в кружку кипятка, понюхал и блаженно прищурился.

– Оооо! Как же он вкусно пахнет! Прямо вот выпить кружку и умереть!

– А дети?

– Ну, не физически прямо умереть, а в ментальном смысле и не надолго. Максим отхлебнул, сощутив глаза, ведь когда щуришь глаза, чай не такой горячий становится – одно из его загадочных свойств.

– Мать моя женщина! Вот это начхим! Вот это да! Вот гу-у-усь же, а! Ну ты посмотри!

– Максим, у тебя всё в порядке? Сколько пальцев на руке я показываю? Какое сегодня число?

– Это не чай, а нектар богов какой-то! Я такого вкусного в жизни не пил! Просто умереть не встать!

– Дай отхлебнуть-то.

– Ну уж нет – тебе душевных ран не наносили, пей свой кофе!

– Жмот.

– Нет.

– Да.

– Да. Ну и что?

– Ну и всё. И не мешай мне работать. Хлебай тут потише!

Дверь в каюту распахнулась – наш начхим Дима застыл на пороге с занесённой ногой и на секунду удивлённым взглядом.

– Ребята.

– Дмитрий. А что это вы не стучитесь?

– Вы чё, бакланы, вообще опухли? Так-то это моя каюта.

– А, точно, ну заходи тогда – чувствуй себя как дома!

– Куда заходить-то? Вы своими тушами всё пространство свободное заняли, или мне на верхнюю койку сразу прыгать, чтоб вам не мешать тут чай гонять?

– Это Макс гоняет – я работаю, видишь же!

– Моим корректором?

– Не, я свой принёс к тебе в каюту. Ну, конечно, твоим, можно же?

– Ладно, я пойду, не буду вам мешать! – Максим вскочил и по моей спине пошёл на выход. – Дима, спасибо за чай! Он просто охуенен!

– Какой чай? – спросил Дима, когда Максим скрылся за поворотом.

– Ну твой.

– Какой мой?

– Ну который у тебя в заварнике был.

– В каком заварнике?

– Дима, блядь, ну вот в этом вот белом заварнике твоём!

– А где ты его взял?

– Кого?

– Заварник этот!

– Дима, я всего ничего тут корректора у тебя взял, за что ты мне мозг выносишь?

– Откуда у тебя мозг, ты же трюмный! Где ты заварник этот нашёл? Я его месяца два как потерял! Заварил, помню чаю себе, а он раз – и пропал, а тут на тебе!

– Дима, он прямо вот здесь вот в секретере стоял в уголке!

– Да ладно?

– Шоколадно!

– Вот это чудеса, да. А я с ног сбился, искал его. А что ты из него Максиму налил?

– Ну... я думал, что чай.

Осторожно пододвинув чайник к краешку стола, мы приоткрыли его крышечку и заглянули внутрь, соблюдая все меры предосторожности. Из чайника на нас смотрела бело-чёрно-зелёная Плесень. И я не зря написал это слово с большой буквы – ещё пару дней и ей уже пора было бы читать стихи Агнии Барто и включать мультики на видеомagneтoфoнe. Плесень заполняла всё видимое пространство чайника, и только на дне его что-то булькало.

– Дима, она сейчас скажет тебе «папа», мне кажется. Вон у неё, смотри, глаза и рот уже выросли.

– Это-то ладно, с этим я разберусь, а вот что мы Максиму скажем?

– Вот нет чуткости в вас, химиках, ни на комариный хуй, честное слово. Ну зачем ему эта лишняя и ничего не несущая в себе информация? Вот для чего она ему?

– Тоже верно – пусть эта тайна умрёт вместе с нами!

– Дима! – из-за угла вынырнул Максим, допивая чай. – Чуть не забыл, а что за сорт чая-то? Такой, сука, вкусный!

– Французский, – и Дима звонко захлопнул крышку заварника.

– Сорта «дор блю»! – добавил я и накрыл Димину ладонь своей.

– Угостили знакомые, но уже кончился! – добавил Дима и зачем-то горестно вздохнул.

Ну химик, а не актёр, понятное дело.

– Ох, жаль, уж больно хорош! Надо будет сорт запомнить и поискать в магазинах!

– Ага, обязательно поищи.

– Спасибо ещё раз, Дима!

– Да мне-то не за что – Эд же тебя угощал.

– Не, ну как это? Чай твой – значит, ты и угощал, а я так – сидел просто рядом.

– Не, ну наливал-то ты!

– Не, ну и что, что я? Чайник-то твой, и каюта твоя, а значит, и заслуга твоя полностью!

– Эх, – и Максим обнял нас за плечи, радостно улыбаясь, – ребята! Не ссорьтесь! Обоим вам спасибо – прямо вот на душе полегчало, какие у меня друзья! Прямо расцеловать вас хочется, может даже в щёки!

И Максим, посвистывая, ушёл.

– Вот сейчас немного стыдно стало, да? – спросил Дима.

– Мне-то чего стыдно? Он плесень в чайниках выращивает, а мне должно быть стыдно? Вот уж фигушки!

– Что-о-о-о? – доктор даже не сразу въехал, когда я пришёл к нему спрашивать, сколько Максиму жить осталось. – Плесневыми грибами и бактериями актиномицеты убить подводника? Невозможно! Всё переварит и добавки попросит! Главное в этом деле – ему об этом не рассказывать, чтоб зёрна сомнений не проросли в его нутре, разорвав его изнутри в клочья! Чего смотришь, как сын?

– Андрюха, ну я серьёзно!

– Ну а я что, в клетчатой кепке тут сижу и с красным шариком на носу? Ступай займись делом, не очень юный натуралист.

Но мы всё-таки с Димой решили не пускать этого дела на самотёк и тщательно продезинфицировали Максима изнутри этим же вечером. Это же друг, а не корабельная документация: тут тянуть нельзя. По морскому закону служебные дела делаются в первую очередь, а личные – немедленно. Да и дружба, знаете ли, обязывает.

Ведь что главное в настоящей мужской дружбе? Главное заключается не в том, чтобы не налить другу чай из заварника с плесенью, а в том, чтобы тщательно это скрыть, предварительно продезинфицировав друга изнутри. Желательно спиртом, в крайнем случае – коньяком. Бактерии и грибы, конечно, тоже могут убить, но черви сомнений убивают быстрее – доктор зря не стал бы говорить, ведь на нём не было ни клетчатой кепки, ни красного носа.

Технический прогресс в отдельно взятой воинской части

– Центральный – верхнему! Бежит! Бежит!

Ну наконец-то он вернулся!

В центральном сидели: командир, старпом, дежурный по ГЭУ, он же главный корабельный компьютерщик Игорь и дежурный по кораблю, то есть я.

В ожидании помощника командира, который утром уехал в город-герой Мурманск с корабельной кассой в карманах своих форменных брюк, мы уже обсудили все нюансы макроэкономической ситуации в России и геополитические выверты двадцатого века.

– Не понял, – встрепнулся старпом, – это когда у нас новый устав караульной службы ввели с такими фривольными формами докладов? Может, и демократию уже на флоте объявили?

– Верхний – центральному! – кричу со всей строгостью в голосе и максимально стальными нотками. – Не понял доклада!

Матрос с верхней вахты уже дослуживал второй год, и чутьё на пиздюлины было у него отточено, как меч самурая:

– На корне пирса наблюдаю помощника командира! Бежит в сторону корабля с какой-то большой коробкой!

– Смотри, чтоб не споткнулся! – бурчит командир.

– Верхний! Следи, чтоб не споткнулся!

– Я всё слышу! Я уже здесь! – отвечает мне сверху помощник.

– А это командир сказал, я просто репетую команду, тащ помощник!

– Ага. Матроса с концом зашли мне наверх!

Вы, наверное, сейчас не совсем поняли смысл этой команды, во всяком случае, некоторые из вас, но я-то понял.

– Дежурному трюмному прибыть в центральный с концом! – кричу я в Лиственницу, нарушая, естественно, правила пользования ею.

«Да ладно», – опять сейчас подумали некоторые из вас, а как он мог без конца-то прибыть? Не буду дальше тянуть интригу за хвост и расскажу вам, так и быть, что «концом» на флоте называют верёвку, а то, о чём вы, возможно, подумали называют другим словом. На букву «хэ». Это тоже, кстати, одна из причин, почему на флоте используют эти универсальные, многообъемлющие слова с яркой интонационной окраской, которые вы называете матом. Просто нормальные слова на флоте не используют в повседневной жизни, чтоб подчеркнуть свою кастовую принадлежность. На флоте табуретку называют банкой, комнату – каютой, черпак – чумичкой, швабру – машкой, туалет – гальюном, кухню – камбузом ну и так далее по списку. И когда нормальные слова закончились для называния вещей не так, как их называют на суше, тогда и придумали другие, которые на суше называют ненормальными. Специфика повседневной жизни, опять же. Ведь если пиздец назвать, к примеру, жопой, то никто и не встrepенётся даже в тревожном порыве: ведь жопа – это практически перманентное состояние повседневных будней.

Дежурный трюмный Паша заглянул в центральный из девятнадцатого и ткнул пальцем вверх, полувопросительно подняв брови. Я кивнул, и Паша поскакал. Через несколько минут в центральный притопаз он же с огромной коробкой в руках и помощник командира с торжественным выражением лица на лице.

– Это он и есть? – спросил командир.

– Так точно! Матричный! Формата А3! Эх, теперь документацию строчить будем, как пулемёт Максим!

– Да, – скептически оглядел коробку старпом, – вот житуха-то начнётся. И на это ты всю нашу кассу грохнул? Не, вещь, наверняка, хорошая, по размеру видно. Я не то чтобы, но всё же...

– Никак нет, Сей Саныч! Вот ещё! Купил!

И помощник торжественно водрузил на командирский стол картонную коробку синего цвета с нарисованными на ней летящими окнами.

– Порошок стиральный, что ли? – командир взял коробку и потряс её. В коробке что-то гремело.

– Осторожней, тащ командир! Это новая операционная система Виндоус 95!

– Шта-а-а? – подпрыгнул старпом. – Я же тебе так и не дал добро её покупать!

– Но и не запретили напрямую! Я вам говорю, это же революция просто в компьютерном мире! Надо шагать в ногу, так сказать!

Старпом был флотским консерватором и считал, что если что-то и так работает, то самое лучшее, что можно с этим сделать, – это просто его не трогать.

– Всё правильно, Сей Саныч! Тут же новые графический интерфейс, многозадачность и локальные сети можно строить! – поддержал помощника Игорь, ярый сторонник технического прогресса.

– Бунт на корабле, да Серёга? – участливо спросил командир. – Молодая поросль совсем опухла! Пора кого-то вздёрнуть на рее уже?

– Нет, Сан Сеич, пусть настроят всё это сначала, а потом будем вешать! А то получится, что вообще зря деньги просадили! Идите, работайте, пока я добрый!

Помощник убежал по своим неотложным делам (а у помощника все дела неотложные и в режиме бега он находится постоянно), мы с Игорем стащили всё это добро в специальную крохотную выгородку (комнатёнку) в восьмом отсеке, которая служила у нас компьютерным залом. Заварили себе побольше чая, разложили на полке бутерброды, а на диване – тринадцать одинаковых чёрных дискет, на которых были приклеены бумажки с цифрами. Обязанности распределили так: я подаю дискеты с требуемой цифрой в дисковод, а Игорь следит за полоской инсталляции системы и нажимает кнопку «ок» в нужный момент. Многие из вас не поймут, конечно, но первый раз в жизни ставить виндоус после ДОСа это как... как не знаю что. Это Процесс, понимаете?

– Даже на заставке всё уже красиво, да? Смотри окошечко такое, квадратики синие бегут!

– Вообще солидол, о чём речь!

И дисковод уютно так трещит дискетами: то быстрее, то медленнее, то замирает, и ты тоже в этот момент замираешь с волнением: а вдруг косяк какой? Но нет – вот дальше затрещал, можно выдохнуть. А потом последняя перезагрузка и та-да-а-ам!

– Ух ты, красотища-то какая!

– И мышшь, смотри, ездит куда хочешь по всему столу!

– О, кнопка «пуск»! Ну-ка, давай запустим что-нибудь!

– О, а смотри, если правой кнопкой щёлкнуть, то дополнительное меню прямо выскакивает!

– Ага! Во – давай текстовый документ создадим!

Создали. Написали «Минёр – лох!», сохранили прямо на рабочий стол и прямо лежит он такой, знаете, на рабочем столе, наш вновь созданный документ. Открыли – открылся. Поменяли шрифт и размер букв, сохранили и закрыли. Открыли – буквы жирные и шрифт новый: чудеса да и только!

– Ну что, – потёр ладони Игорь, – хватит баловаться, пора заняться делом?

– «Дум»?

– Круче! На тринадцатой новая игруха есть, говорят, в сто раз круче! Пошли звонить!

Прибежали в центральный, а там, оказывается, помощник дежурного уже собрал вахту на отработку.

– Витя, ну ты сам тут отрабатывайся, а то мне некогда абсолютно! Столько дел, столько дел!

– Алоэ! – кричит Игорь в трубку. – А ты что, дежурным стоишь, что ли? А что у вас так всё плохо на отстое, что калек уже дежурными ставят? Сам такой! Позови-ка мне Колю к телефону! Какого, на хуй, минёра? Дежурного по ГЭУ! Алоэ! Коля, что ты там говорил за новую программу для писюка, в которой вы работаете не переставая? Ага, именно то! Да, именно «нюкем»! Скока там она занимает в архиве? Что-о-о? Двадцать три мегабайта? Ни хуя себе струя! Не, ну я понимаю, что три дэ, но, блядь, двадцать три метра – ни в какие ворота! Ладно, режь архив на дискеты, сейчас гонца пришлём!

Дискет на корабле нашлось в количестве аж двух штук.

– Ну-у-у-у. Несколько раз сбегает, правильно?

– Конечно! Центральный! Пашу ко мне срочно в компьютерную!

– Павел! – говорю прибежавшему матросу. – Не люблю я, конечно, пафоса и ненужных торжественных интонаций, но вот он и настал – апогей твоей военной, не побоюсь этого слова, службы! Матрос ты отличный, Борисыч тебя выучил, как своего собственного сына, и только тебе мы можем доверить эту сложную, но почётную миссию! Скажи, ты уже проникся всей ответственностью момента?

– Так точно!

– По самое не могу или ещё докрутить?

– По самые брови, тащ!

– Ладно, поверю тебе на слово, хитрожопый ты тунядец! Бери вот эти вот две дискеты, складывай их возле своего трюмного сердца и беги на тринадцатую. Там тебя ждёт офицер в высоком звании капитан-лейтенанта, по имени Николай Петрович. Он скопирует тебе сюда важные документы по боевой подготовке боевой части пять, ты положишь их обратно к сердцу и бегом обратно! По дороге не курить, не разговаривать, по сторонам не смотреть!

– Понял, пошёл!

– Побежал, Паша, по-бе-жал!

– По-о-о-о-ня-я-ял! – орёт Паша из девятнадцатого уже.

Ну золото, а не матрос. А чего там бежать-то? Километр в обе стороны, не больше. Правда, сильно с препятствиями, но это же матрос, а не институтка, в конце-то концов! Тут под словом «конец» я имею в виду не верёвку.

Паша скоро вернулся, тяжело дыша и вытирая пот со лба шапкой.

– Так, садись вон чайку пока сербани, сейчас повторим! Документов много, бегать тебе ещё раз восемь, так что силы рассчитывай!

Раз десять, в итоге, сбегал Паша туда-обратно, парочку архивов переписывать пришлось, но в итоге всё мы скопировали.

– Тут ещё это. Вот вам передать просили, – и Паша протянул нам бумажку.

На свёрнутом листке аккуратным почерком было написано «DNSTUFF»
«DNKROZ».

– Ага, понял, – сказал Игорь и засунул бумажку в карман, – ну всё Паша, ступай, Родина тебя не забудет и всё вот то вот!

– Тащи, а можно я тоже посмотрю?

– Что посмотришь?

– Ну-у-у. Документы вот эти вот ваши!

– Паша.

– Не, ну чё, мне матрасы рассказали с тринадцатой, что вообще крутая игрушка. Ну пожалуйста!

Вот то удивительное свойство матросов на флоте. Попадись Паша в руки врагов, он и под пытками не рассказал бы Страшных Военных Тайн, потому, в основном, что он их как бы и не знал, в теории, так как не обладал необходимой формой

допуска, но больше из принципов. Но если бы к Паше пришёл матрос – земляк с соседнего корпуса, то через пять минут он владел бы уже всей информацией о ходе боевой подготовки на корабле и знал бы краткие характеристики всех ста восьмидесяти членов экипажа. И это они ещё по одной сигаретке только выкурили бы, а уж если бы сели чай распивать!..

– Ладно, садись вон в угол и чтоб как мышь!

– Попискивать?

– Не пиздеть!

«Duke Nukem 3D» поразил наше воображение с невероятной силой. Умопомрачительная графика, почти как в жизни, офигенный звук и три дэ. Три дэ, конечно, поразило больше всего.

– Не, ну до чего прогресс дошёл, да? Слушай, ну вот три измерения же прямо!

– Ага! И кровь!

– И гильзы, гильзы летят! А тёлки-то вообще как живые!

– Паша!

– Всё, молчу! Тока не выгоняйте!

– Тащ дежурный, вас там помощник в центральный вызывает!

Откуда он взялся на корабле среди ночи-то? Вот уж неужёмкий!

– Ну что, вы там принтер поставили?

Блядь, точно, про принтер же забыли!

– Да не, не успели ещё! Виндоус пока поставили, то да сё.

– Какое «то»? Какое «сё»? Шесть утра! Мне суточный план печатать!

Как это шесть утра? Только же восемь вечера было? Вот это провал во времени, неожиданно. Ну принтер быстро установили, чего там. «Дюка» спрятали в восемнадцать папок «Документы-документы БЧ5 – занятия по специальности – архив – важное – не трогать – закодировано... etc»

К семи тридцати старпому принесли суточный план на листе А3.

– Да-а-а-а, красота, среди бегущих! Ни тебе помарок, ни тебе подтираний, ни тебе дырок в бумаге! Залюбоваться можно было бы, если бы не нужно было бы его читать! Та-ак, это что за дата у БЧ-2 стоит, а темы, темы почему вчерашние?

– Сейчас исправлю, Сей Саныч! Две минуты!

– Ага, прямо две!

– Виндоус 95, Сей Саныч! Копировал-вставил-поменял!

– А вам лишь бы не работать! Ну никакого трепета перед основным корабельным документом!

– А зато представьте, сколько их наштамповать можно!

– Ну. Весь мир завалим суточными планами, чтоб они с нами даже воевать не посмели! Хорошая тактика! А ты чего шатаешься и глаза у тебя красные? – спросил без десяти восемь командир, выслушав мой доклад о том, что в его отсутствие никаких происшествий не случилось.

– Да виндоус этот ставили всю ночь, принтер настраивали, долго возились, там... Были проблемы некоторые!

– Ну, вы всё победили?

– Так точно!

– Ну и отлично. У прогресса две стороны, милдруг. С одной стороны, он высвобождает тебе кучу времени, но с другой – опутывает своими сетями и время это забирает. Подумай на досуге. Ну, мы теперь на пике прогресса получаемся?

– На самом что ни на есть острие!

В этот момент я вспомнил, как мы совали стриптизёрше в баре доллары в трусы под радостный писк Паши из угла.

Вот современное поколение не может оценить всю мощь технического прогресса. Ну поменяли вы свой смартфон с четырёхядерного процессора на восьмиядерный или в компьютер вместо восьми гигабайт оперативной памяти поставили шестнадцать, – почувствовали вот это вот «ах» от невозможно изменившейся жизни? А когда Игорь, помню, вместо своего жёсткого диска на двести пятьдесят мегабайт купил гигабайтный, то мы сидели, смотрели на эту железку и не совсем понимали, чем её можно заполнить-то вообще? На всю же жизнь хватит, так мы себе тогда думали. И было это лет восемнадцать назад – не так уж и давно. А сейчас в моём полудохлом ноутбуке стоит двести пятьдесят таких дисков.

И на обратную сторону прогресса тоже не все внимание обращают. Вот что вы делаете с той кучей времени, которая освобождается из-за того, что вы пишете «спс» вместо «спасибо», «лол» вместо «очень смешно, ржал как конь перед спариванием!» или «збс» вместо «спасибо, отличный текст, вот прямо до пяток проняло!»? Наверное, повышаете свой уровень умственного развития, поглощая новые знания, так доступные сейчас для поглощения? Уж наверняка. А если нет, то вы даже можете и не заметить, как перестанете уметь сформулировать свои мысли вслух, потому, что словарный запас, которым вы обладаете, – это и есть способ донести ваши мысли до окружающих, по которому о вас и составят суждения эти самые окружающие.

Читайте. Много читайте. Настоятельно вам рекомендую потому, что наш мозг – это единственное, что делает нас такими совершенными созданиями, какими мы сами себе кажемся. Волку не надо читать или медведю – они совершенны в своей силе, ловкости и инстинктах, и человек, не имея мозга, никогда не смог бы их победить. Да что там: даже догнать-то не смог бы! А с мозгом – он и не на такое ещё способен, в самом положительном понимании этого утверждения.

Небрежность – признак мастерства

Есть такая категория людей в военно-морском флоте, которых называют «гражданские специалисты». Жизнь флота, да и само рождение его были бы невозможны без них. Поэтому я не могу не посвятить им отдельную песню, пронизанную пафосом и чувством категорического уважения к ним – гражданским специалистам.

Всех гражданских специалистов условно можно разделить на две категории: заводские и командировочные в военно-морских базах. Начнём с заводских.

Что такое судостроительный завод, объяснить невозможно в принципе. И если вы никогда не видели, например, завода «Звёздочка» в Северодвинске, то вы не видели заводов вообще. Это такой громадный улей, где стопитсот тысяч человек находятся в постоянном движении, перемещении, таскании, клепании, сварении, лужении, поднимании, клеевании, и всё в атмосфере строжайшей секретности! Мало того, что они, значит, все хаотично перемещаются, иллюстрируя собой броуновское движение частиц, так они при этом ещё умудряются и лодки подводные строить! И как строят-то, гады – по два срока ходили без всяких положенных ремонтов вообще и безаварийно!

Стоит лодка в заводе. Сидишь ты такой на рубке подводной лодки, тренируешься выпускать дым изо рта колечками и думаешь: «Кто, блять, способен управлять всем этим хаосом, не сходя с ума? Какой же у него размер башки должен быть?»

– Анатолич! – орёт в это время снизу вахтенный мичман. – Тут к командиру бригадир какой-то пришёл, а у меня связи нет, крикни там в центральный!

– Что вы орёте, как умалишённые, – бурчит командир, вылезая из люка, – я уже тут.

– Пусть сюда поднимается! – орёт командир вахтенному так, что у меня звуковыми волнами пилотку на затылок сдвигает.

Садится рядом со мной на рубку и сидит, болтая ногами. Поднимается бригадир:

– Товарищи, мы у вас шахту ракетную мыть будем, вот список рабочих для допуска на борт.

– Долго мыть будете? – спрашивает командир, глядя, как один пьяный рабочий возле КПП пытается вручить другому пьяному рабочему щенка, а тот отбивается от него банкой кильки в томате.

– За два дня сделаем!

– За два дня? Ну-ну.

В это время к двум пьяным рабочим подошёл третий и орёт что-то на того, что с килькой, показывая руками на того, что со щенком.

Мы как раз заходили тогда в Северодвинск в середине автономки, чтоб шахту ракетную помыть. Чего-то они там носили, в шахту сыпали, водой заполняли, бульбулировали её, осушали, опять что-то лили... и так ровно два дня. Через два дня приходит этот же бригадир к командиру: вот, мол, документы, распишитесь, мы всё закончили.

– Как закончили? – разочаровывается командир. – А можете ещё пару дней повозиться, а то у меня не все ещё на дискотеку для тех, кому за тридцать, успели сходить?

– Да можем, – говорит бригадир. – Но не больше, а то вопросы начнутся.

– Сколько? – уточняет командир в том смысле, сколько литров спирта он должен за такое ви-ай-пи обслуживание.

– Да что вы, – отмахивается бригадир, – мы же люди, всё понимаем.

– Нет, позвольте! – настаивает командир. – Я от души желаю вас отблагодарить!

– Да не надо, честное слово.

– Нет уж, будьте добры!

– Ладно, банки хватит.

И бригадир с банкой спирта под мышкой уходит на два дня, а мы бежим в ДК и радостно там отплясываем под «Цыганку Сэру», охотно демонстрируя всем желающим своё конское здоровье.

Вторая группа гражданских специалистов – это те, которые жили прямо в наших посёлках, откомандированные из своих комсомольсков-на-амуре, владивостоков, баку и херсонов для поддержания нашей боеготовности на надлежащей высоте. У меня их было двое: Паша и Люба. Паша помогал разбираться с пультами общекорабельных систем и систем управления движением, а Люба – с компрессорами и прочей мелочью.

– Эдик, – гундосил Паша, доставая очередную кассету из «Корунда», – ну почему пломбы сорваны?

– Паша, – говорю, – пять градусов рассогласование было вертикальных рулей в море, командир велел починить.

– Эдик, ну пять градусов – это же нормально!

– Заводу твоему нормально, Паша, а нашему командиру надо два и не больше, а иначе у него манёвры в надводном положении не такие изящные получаются.

– А чё ты тут сделал? – удивлённо таращится Паша, сняв с кассеты боковую стенку.

– Ну вот же, этот резистор перепаял на этот, а тут закоротил дорожку просто.

– Эдииикбля! Ну йобаныйврот – тут же подстроечный резистор вот стоит!

– Такой умный ты, Паша, как я погляжу... У него головка – как хуй у комарика! Где я тебе на подводной лодке такую отвёртку найду? А лезвием он не крутился. Вот.

– Ле-е-езви-йе-е-ем? – тихо подвывал Паша. – Каким лезвием, Эди-и-ик?

– «Невой», – говорил я и отбегал от Паши подальше. На всякий случай.

А потом Паша со всеми рабочим начал забастовку. Им тогда не платили ещё дольше, чем нам. Нам по четыре месяца, а им по шесть.

Звоню ему:

– Паша, мне надо «Топаз» посмотреть. Мне в море послезавтра, Паша.

– Эдик, ну я не могу, забастовка же у нас!

– А у меня жизни двухсот человек, Паша. Я же, Паша, потом, когда мы потонем, к тебе в кошмарных снах являться буду всю твою оставшуюся жизнь и с укором буду смотреть тебе в глаза.

– Эдик, бля, ну мне жрать нечего, ты пойми, это важно!

– Паша, да я не скажу никому, что ты штрейкбрехер. Между нами всё останется, потом документы оформим, когда вы бастовать закончите. А ещё у меня две сосиски на обед и пачка лапши. Приезжай, Паша, пообедаем заодно.

И Паша приезжал, и ковырял мне «Топаз», и вводил его в строй, а потом мы съедали две мои сосиски, запивая их поллитрой спирта, и сидели курили на ограждении рубки, и рассказывали друг другу про то, что ну вот что за говно вокруг творится, ну как так, нас тут кинули все, на этом ебучем Севере и что-то требуют, страдая долгом, а мы – капитан-лейтенант военно-морского флота и старший специалист чего-то там, оба с высшими образованиями – две сосиски из вакуумной упаковки на обед себе за роскошь считаем. И командир, проходя мимо, открывал было рот, видя нашу дерзкую наглость, но потом закрывал и молча шёл дальше.

Но самые отчаюги были, конечно, те, которые работали с системой ВВД. ВВД – это система воздуха высокого давления. Воздух сжимался компрессорами до давления четыреста килограммов сил на сантиметр квадратный, закачивался в стальные баллоны между прочным и лёгким корпусом и служил в основном для продувания балластных цистерн. Чрезвычайно опасная вещь при небрежном с ней обращении. Можете себе представить, что будет с вашим организмом, если на каждый квадратный его сантиметр резко надавит четыреста килограммов? Отсюда и до Шпицбергена распылится ваш организм. Тьфу-тьфу-тьфу, конечно.

Так вот, когда к нам приходили рабочие работать с этой системой, то на пульт управления общекорабельными системами в центральном посту вывешивалась во-о-от такая табличка: «Запрещены переключения в системе ВВД, блядь!!! Категорически!!! Работают люди!!!»

Сижу, дежурю. Входит один из специалистов.

– Давайте, говорит, в шестую ЦГБ дунем немножко, надо пневмоклапана проверить.

– Ты нормальный? – спрашиваю его, – Табличку видишь?

– Да всё нормально, я всё знаю, всё под контролем!

– Ну сам тогда дуй, контролер, – говорю, – мы на флоте таблички приучены читать и уважать.

Ну, дунул он, значит, недолго так, сидит, в блокнотике себе что-то пишет. И тут слышим: откуда-то вопль доносится и по нарастающей звуковой амплитуде приближается к нам:

– Кто-о-о-о-о-оо??? Ктобля-я-я-я-я-я!!!! Убьёуу-у-у-убля-я-я!!!

Не успел я моргнуть, как этого дульщика и след простыл, а в центральный врывается товарищ его – весь в говне каком-то, волосы дыбом, глаза, как у рака, на 360 градусов вращаются, в руках ключ от перемишки ВВД (такая железная палка метровой длины, а на конце её два захвата под болт диаметром пятьдесят сантиметров).

– Ктобля?! Ктодулна?!

– Не, не, не, – говорю, – товарищ, это вы зря тут на меня глазами возвращаете. Это дул коллега ваш по цеху.

– Гдебля?! Гдебляон?!

Беру переговорное, спрашиваю у верхнего вахтенного: а не выходил ли гражданский специалист с корабля?

– Так точно, – бодро докладывает верхний вахтенный, – умчался в сторону штаба чуть не по воде!

– Су-у-ука-а-а-аа! – воет второй и бежит вверх. – Су-у-уукаа-а-аа! – слышу его вопль над заливом в центральном.

Спустился назад минут через пять. Остыл уже немного, только руки трясутся и глаза дёргаются:

– Простите, товарищ дежурный, а не будет ли у вас штанов запасных? А то мне мои постирать надо срочно.

Дали ему штаны, конечно. В душ отвели, чаем отпоили. Оказалось потом, что он как раз в этой цистерне и сидел, куда товарищ его дунул. Представляете, сидите вы себе в огромной, тёмной и склизкой бочке, а туда четыреста килограмм на сантиметр квадратный воздуха расширяются? Вой, холод и вообще натуральное ощущение пиздеца, должу я вам. Я, конечно, в ЦГБ не сидел, но перемычка в шестнадцатом отсеке бахнула один раз.

Сидим, значит, в центральном, никого не трогаем, а у нас резко пилотки с головы сдувает. И шум такой, как от прибоя, только не ласковый. Вентиляция у нас так не может точно, начинаем панически оглядываться. И вижу я, к своему глубокому удивлению, что у нас перемычка ВВД в шестнадцатом открылась, а она разобрана как раз в это время на протирку спиртом. Значит, представьте себе – мы в восемнадцатом отсеке, перемычка через девятнадцатый, восьмой, десятый, двенадцатый, четырнадцатый аж в шестнадцатом бахнула. Метров восемьдесят и совсем не по прямой, а волосы дыбом встают. Это хорошо ещё,

что люки переборочные между отсеками у нас открыты были в связи с ревизией ВВД. Кричу командиру дивизиона живучести:

– Игорьбля! Перемычка шестнадцатого!

Бежим с ним, роняя кал, в шестнадцатый отсек. Жутковато, конечно.

«Надобылоучитьсянабухгалтера» – думаешь в этот момент, но поздно уже.

Прибегаем в шестнадцатый, а там декорации к фильму «Морозко»: всё в блестящем белом инее, холодина, из перемычки сосульки растут... Начинаем клапанами ручными перемычку от остальной системы отсека, чтоб остальные дружно не бахнули сюда же. Клапана железные, руки примерзают, кожа рвётся, кровяшка капает – романтика. Перекрыли, возвращаемся в центральный, коленки трясутся, руки в крови. Командир встречает:

– Чо, убили там кого?

– Не, – говорим, – руки к железу примерзали.

– Ну, дык ёпт, это же железо же! – резюмирует командир, довольный тем, что всё хорошо закончилось.

– А мы думали, что железо – это пластмасса, – смеётся от нервного перенапряжения Игорь.

– Не стыдно, командира-то подъёбывать? – уточняет на всякий случай командир.

– Не-е-ет! – ржём уже вдвоём с Игорем.

– Никакого уважения к старшим по воинскому званию самцам! – начинает смеяться и командир.

Хорошо же, когда всё хорошо заканчивается?

Вот такой вот длинный рассказ у меня получился про гражданских специалистов. Но. Из песни слов не выкинешь. Запомните главное: «Небрежность – признак мастерства» – это шуточный девиз, не применяйте его в реальной жизни. А гражданским специалистам ещё раз большое спасибо.

«Китайцы»

Так у нас называли ракетчиков. Это тоже традиция – потому что их, типа, много. На самом деле механиков было больше настолько, что в механической боевой части был свой собственный замполит. Но кто же в здравом уме будет называть механиков на атомной подводной лодке «китайцами»? Механиков называли «маслопупами», «королями говна и пара», «мазутами» и прочими более уважительными названиями.

По традиции, каждому молодому офицеру на корабле выдавали наставников из числа старших: одного по специальности и другого из механиков, по устройству корабля. Наставники учили молодого офицера хитросплетениям корабельных взаимоотношений, традициям экипажа... Ну и специальности, заодно. Если вы думаете, что взаимоотношения на подводных лодках просты и основываются на известной армейской аксиоме «я начальник, ты дурак», то вы совсем ничего не знаете о взаимоотношениях на подводных лодках. Специфика службы накладывает на них столько особенностей, что постороннему неопытному взгляду совсем не понять, почему одного капитана третьего ранга можно называть «гидромайор», а другого – нет, и почему одному командиру, когда он говорит, смотрят в рот и при этом нервно дышат, а второму просто подчиняются, потому что так положено по уставу.

Как-то пристегнули ко мне двух молодых «китайцев» – Сергея и Олега. Оба были весёлыми и умными парнями с задором в глазах и романтикой в душах. В общем, довольно годный материал дляковки из них настоящих подводников. Они быстро сдали зачёты по специальности, потому как были умны и хорошо подготовлены, и оставалось им только домучить меня, чтоб стать полноценными членами экипажа.

К Новому году они планировали всё это устаканить уже.

Сижу я ночью, положив ноги на пульт (не на ракетный) и укутавшись в тёплый ватник. Дежурю по кораблю. Вдруг слышу дружный топот и задорный смех на трапе в девятнадцатом отсеке. Высовываю туда своё любопытное по долгу службы жало и вижу стадо из трёх ракетных мичманов и двоих моих подопечных, которые радостно бегут наверх с красными от предвкушения рожками, бросательным концом и спасательным жилетом.

– Стоять, бизоны! В центральный пост шагом марш! – даю им команду.

Вваливаются. Стоят нетерпеливой кучкой и нервно сучат задними и передними конечностями.

– Так, – говорю я, поглаживая «товарища Макарова», – куда мы так радостно бежим в час ночи и почему не делимся радостью со старшим, в данный момент, на борту товарищем?

– Эта! – улыбается Сергей. – Олег сказал, что ему вполне себе неслабо поплавать с кормовой надстройки в море!

– А мы ему не верим! – радостно добавляет мичман Иван.

Я смотрю на календарь. И точно, предчувствия меня не обманывают – ноябрь.

– Скока выпили?

– Да так, для аппетита по стаканчику, Анатолич! Ни в одном глазу, почти!

– А бросательный зачем у вас в руках, Сергей?

(Это такая верёвка с кистенем на конце, с помощью которой подают швартовые).

– Ну, к ноге ему привяжем, а то мало ли – холодовой шок или ещё чего!

– Ну, то есть, вы понимаете, что мало ли что может случиться?

Кивают.

– А чего тогда конец этот на шею ему сразу не привяжете?

Молчат и пожимают плечами. Понимаю, что аргументированный спор мне с ними вести лень.

– Значит, мы сейчас поступим так. Снимаете свои ватнички и тапочки и складываете их вот здесь в уголочке. Сюда же складываете спасательный жилет и бросательный, а сами быстренько разбегаетесь по своим ракетным берлогам, и, чтоб, когда я буду осматривать отсеки через двадцать пять минут, я вас там не видел и не слышал. Иначе завтра всю вашу дружную компанию выдаю старпому на растерзание и похуй, что вы обо мне там подумаете.

– А как же мы без тапочек пойдём?

– В носках, очевидно же.

Пороптали всего пять минут, но сложили своё барахло и понурые убрели.

К двум на отдых прибыл командир (стоял дежурным по дивизии). Увидел эту подозрительную кучу в углу центрального.

– Эдик, а что это за... такое?

Ну вот что ему ответить, а?!

– Да отрабатывали учение «Человек за бортом», тащ командир! Вот. Убрать не успели.

– Эдуард, ну ты дурак, что ли? Ноябрь месяц же, какой человек? За каким бортом?

Командир всегда, когда злился, называл меня «Эдуардом». До сих пор не очень люблю, когда меня так называют.

– За нашим, – говорю, – бортом. Человек условный, конечно же.

– Вот вам что, делать тут нехуй совсем? Приборку бы лучше сделали!

– Так сделали и приборку!

– Ещё бы одну сделали! Приборок много не бывает! А если бы кто за борт сорвался? Вот ты же опытный офицер, ну как такая хуйня в голову твою попала?

И тут, конечно, во мне вскипела гордость и обида. Захотелось прямо сдать этих упырей с их же потрохами и рассказать командиру, какой я на самом деле молодец, умница бдительный и всё вот это вот.

Но. Сам погибай, а товарища выручай – тоже традиция на флоте, поэтому стою и краснею, потупив взор. Ну, думаю, педики, сдадите вы у меня зачёты по устройству корабля теперь! Заебётесь теперь, думаю, меня кормить, поить и всячески обхаживать! «Китайцы», сука сраные козлы.

Сдали, правда, в декабре. Я ж хоть и горяч, да отходчив.

Как я вступал в ЛДПР

Случилось это ближе к концу девяностых годов. Служил я тогда в городе Заозёрск на атомных подводных лодках типа «Акула». Так как лодки были мало того, что атомные, но ещё и стратегические с ядерным боезапасом, то базировались они на значительном удалении от городка, в котором мы жили. Время тогда было тяжёлое; не знаю насчет всей страны, но у нас точно никакого служебного транспорта не ходило практически, а расстояние по дороге – двадцать километров. Но мы же защитники Отечества – и как нам его защищать, сидя дома? Правильно – никак. Поэтому ходили мы на службу и со службы пешком. Через сопки. Километров шесть всего было по сильно пересечённой местности, да плюс ещё зима восемь месяцев в году. Но какое дело Родине до зимы? Она же защиты постоянно хочет. Ходили группами, потому как опасно и

росомахи опять же. В среднем от сорока минут до часа занимала дорога в одну сторону. Был у меня тогда товарищ старший, родом с Украины, по имени Борисыч. Жили мы с ним рядом и ходили по возможности вместе. А так как я биатлонист, а он с Украины, то у нас рекорд был – двадцать минут. О чём это я? А, про ЛДПР же.

Как-то шли мы с Борисычем домой, как бы это сказать, несколько подшофе (ну да, бывает такое и у рыцарей морских глубин). Вошли мы с ним в городок наш, все такие румяные и с жаждой приключений, и видим – стоит агитавтобус ЛДПР (ездили такие в то время, членов в партию собирали). Борисыч и говорит:

– Слушай, брат, а чего бы нам с тобой в ЛДПР не вступить?

– Не понял, – говорю, – Борисыч, твоей логической интерполяции. Пару звеньев ты, видимо, уронил по дороге. Будь добр, аргументируй свой душевный порыв.

– Ну, смотри, – начинает загибать пальцы в варежках Борисыч, – ты из Белоруссии, я из Украины, мы оба с тобой не граждане Российской Федерации (на тот момент много таких было) и при этом держим в своих заскорузлых руках её ядерный щит, а иногда и меч. Какое мы на это имеем моральное право? А тут – вступим в российскую партию и, вроде как, наполовину россиянами станем.

– Логично, коллега. – отвечаю ему я. – Тем более, я лично видел, как на улице Гороховой Владимиру Вольфовичу в пыжиковой шапке рукоплескали пенсионерки интеллигентной наружности. Ну не дуры же они кому попало рукоплескать.

Переменными ходами и курсами дошли мы до автобуса. А он, гад, закрыт. Если вы думаете, что на этом мы сдались, то вы сильно недооцениваете целеустремлённость и упорство людей, которые берегли ваш покой, не получая зарплату по четыре месяца подряд. Сломали мы дверь этому бедному ПАЗику и попали, так сказать, в передвижной партийный храм. Там столик, на нём кучка удостоверений, журнал регистрации членов... и никого.

– Ну что, – говорит Борисыч, – давай вон в журнал запишемся как региональные лидеры да партбилеты себе выпишем, с двумя-то высшими образованиями на двоих вообще не проблема.

Но тут я встал в позу.

– Погоди-ка, Борисыч, а как же торжественная обстановка? Музыка должна быть бравурная какая-нибудь и радостные женщины вокруг или даже наяды, виляющие бёдрами. Я без пафоса не согласен свою партийную девственность отдавать замёрзшему ПАЗику.

– Прав ты, чёрт. Никакого удовольствия в этих механических фрикциях. Офицеры так не отдаются.

Походили мы по автобусу, в гудок побибикали, покачали его снаружи (вдруг милиция прибежит и найдёт нам этих радостных женщин с музыкой) – всё безрезультатно. ЛДПР не хотела нас принимать в свои ряды. Пришлось просто сходить в библиотеку за книжками. Я тогда, помню, взял «Я – снайпер» Стивена Хантера, а что взял Борисыч, уже не помню.

А партийную девственность с тех пор так и храню. Так, чувствую, и умру партийным девственником.

Жопа

Однажды был такой случай, удивительный по красоте своего трагизма для штаба дивизии.

Приехал к нам министр обороны на лодку. По фамилии Грачёв, если помните такого. Сам он был из десантников и на подводную лодку попал первый раз в жизни, а тут ещё «Акула». Он после своих этих БМП и БТР с вертолётами пришёл в натуральный шок от этого торжества инженерной мысли над законами экономики. Он-то думал, небось, глядя фильмы про войну, что подводная лодка – это такой танк неприметненький, который плавать может, а тут у него фуражка свалилась, когда он на рубку с пирса посмотрел. Ну как тут в шок не впадёшь? И

подводники. В кино-то они в кителях все и пилотках, а тут в каких-то робах, с какими-то красными термосами на боку и в тапочках с дырочками.

Представляете, вы – министр обороны целой страны, привыкли уже к паркету, блестящим ботинкам и тому, что вам все честь отдают натуральным образом, с поворотом головы на ходу или щёлканьем каблуков на месте, а тут что?

Он спустился в центральный, осмотрел все боевые посты, послушал, что для чего нужно, и говорит:

– Ну, давайте теперь по лодке пройдемся.

– Пожалуйста, – говорит старпом, – вот сюда проследуйте.

– В дырку эту? – удивляется министр обороны.

– Да, – подбадривает его старпом, – в переборочный люк.

– О, люк! – обрадовался министр обороны знакомому слову, – как в танке почти! А как вы через них ходите?

– А вот так, – говорит старпом и в следующую долю секунды уже машет министру ручкой из соседнего отсека.

Он в них почти не наклоняясь прошмыгивал. Вообще подводники через переборочные люки пролазят как бы боком и жопой вперед: так ловчее и быстрее выходит. Но все остальные люди, включая министров обороны, пытаются в них пролезть вперед головой, что тактически неверно и некрасиво выглядит сзади. А у меня пост боевой как раз был сбоку от люка из центрального в девятнадцатый отсек. Вы даже не представляете себе, сколько я высокопоставленных жоп за свою службу видел. Включая жопу министра обороны Российской Федерации.

Походили они по лодке, министр даже в реакторный отсек зайти не побоялся, между прочим. Вернулись обратно, и он говорит:

– Ну, дайте мне где-нибудь вам запись сделаю какую-нибудь!

И старпом ему ловко так ЖБП подсовывает. ЖБП – это журнал боевой подготовки корабля, один из основных документов на ПЛ – туда записываются все результаты проверок и отработки всех боевых задач. Секретен до невыносимости. Министр берёт ручку и пишет (передаю не натуральную запись, а так, как нам её старпом перед строем зачитывал): «Осмотрел лучший в мире крейсер – ТК-20. Крейсер охуенен своей мощностью и красотой! На крейсере полный флотский порядок и чистота даже в труднодоступных местах! Экипаж просто лапочки неземные и феи сплошняком! Все умные, везде побритые и с блеском в глазах! Считаю экипаж и крейсер гордостью военно-морского флота и спать теперь буду спокойно, зная, что морские границы Родины находятся в мозолистых руках её достойных сынов! Люблю их теперь горячо и жалею, что не хватило мне ума пойти в подводники!» Ну и подпись: «Целую, министр обороны Грачёв».

Уехали. А на следующий день приехал к нам штаб дивизии проверять нас на готовность к выходу в море (какую-то очередную задачу по плану должны были сдавать). Флагманский механик нам сразу сказал:

– Ребята, расслабьтесь, в море мы вас не выпустим. Приезжает на флотилию комиссия из Москвы, и под проверку хотят вас подставить. Нам даны жесточайшие указания вас в море не пускать.

Расслабились. Не привыкать же. После проверки собираются они все в центральном посту (в кресле хмурый командир, рядом хмурый комдив), и флагманские специалисты начинают доклады свои по очереди:

– БЧ-1 к выходу в море не готовы. Карандаши не наточены, штурман – хам.

– БЧ-2 к выходу в море не готовы. Всё хуёво.

– БЧ-3 полное говно. Какое море?

– БЧ-4 не знает азбуки Морзе. Всех расстрелять и набрать новых!

Ну и так далее.

– Ну что же вы к выходу в море-то не подготовились! – орёт комдив, – Что ж вы за люди-то такие безответственные!!! Старпом!!! Ж! Б! П! Мне!

Старпом подаёт ЖБП, услужливо открыв его на вчерашней записи министра.

Комдив читает запись. Коричневееет лицом и издаёт горлом булькающие звуки. Он, конечно, отчаянный парень, но перечить министру обороны в секретных документах, которые хранятся вечно, – это полный моветон на флоте. Вечность не простит.

– Ну старпом, ссссу-у-у-ука-а-а! – шипит комдив на старпома. – Хуй! – кричит он ему уже откуда-то сверху, убегая с корабля. – Хуй ты у меня когда командиром станешь, жопа хитрожабая!

Сидим в центральном молча, ждём, пока воздух остынет от накала страстей.

– Ну что, Серёга, – командир хлопает старпома по плечу, – навеки ты мой, а я твоя!

Все ржём и вытираем слёзы рукавами.

– Тащ командир, – отсмеявшись, говорит старпом, – комдив фуражку свою на столе забыл, может, послать кого, чтоб в штаб отнесли?

– Да вот хуй ему! Не царь – сам приедет и заберёт! Давай, Серёга, насрём ему в неё дружно, чтоб любовь наша флотская по ушам у него текла коричневыми потоками!

– У меня есть более конструктивное предложение, подкупающее своей новизной, – возражает старпом, – по пять капель!

– Умеешь ты, змей, соблазнять!

Оба в обнимку уходят. А нам-то что делать? Тревога же до сих пор объявлена. Командир звонит через пять минут:

– Отбой тревоги, всех по домам – любить жён на прощание. Завтра ввод ГЭУ и выход в море по плану.

А в море мы ходить любили тогда. В море спокойнее было.

У природы нет плохой погоды

Если вы думаете, что самое плохое время года на Крайнем Севере – это зима, то нет, вы заблуждаетесь. Зима, конечно, это плохо: просыпаешься – темно, обедаешь – темно, ложишься спать – темно. Снега столько, что по городу ходишь в снежных лабиринтах выше тебя ростом, а если в сопках сошёл с тропы, то провалился намного выше своей макушки. Хорошо, если руки поднять успел, а иначе тебя за уши вытаскивать будут. Ну и холодно, конечно, как в аду. Мне вообще кажется, что тот человек, который придумал, что в аду непременно жарко, просто никогда не знал настоящего холода. Такого, знаете, когда сопки в ноздрях замерзают.

Но к этому всему довольно быстро привыкаешь – оно же долго длится, и с завидным постоянством. Ты учишься выбирать себе шапку на пару размеров больше, клеить медицинский марлевый пластырь на подошвы и выбирать в магазине не прикольные кожаные перчатки, а страшные, огромные, но зато меховые рукавицы. А ещё обязательно заводишь дружбу с каким-нибудь трюмным офицером, чтоб он выдал тебе на зиму комплект водолазного белья из верблюжьей шерсти, потому что остальные утеплители абсолютно бесполезны. Ну и что, что горло водолазного свитера коричневого цвета торчит у тебя из-под шинели? Зато как у бабушки на печке!

Вот аллегория придумал: зима на Крайнем Севере, это как выбитый зуб-тройка. Сначала ты свистишь шипящими вместо того, чтобы ими шипеть, улыбаешься другим уголком рта и грустишь, а потом показываешь всем, как прикольно вставлять в эту дырку сигарету и курить, не используя руки, а также залихватски сплёвывать, и даже на бис. У нас начим именно так и делал, пока

зуб себе не вставил.

Ну и вот. Только ты привык ко всему этому снежному великолепию, будь оно неладно, как приходит это время года, которое по какому-то лингвистическому недоразумению и тут называется «весна» и которое во всём мире несёт людям радость и тепло, а вам – почему-то сплошные мучения.

Появляется солнце, и это, с одной стороны, хорошо и витамин «Дэ», но, с другой стороны, снег такой белый и чистый, что постоянно приходится ходить со слезами в глазах и головной болью. А потом снег начинает таять. И вот она – самая ущербная пора года!

Днём – тепло, везде вода и лужи по колено, под которыми по колено лёд, а ночью – мороз, и всё это великолепие замерзает такими причудливыми рельефами, что пройти по ним, не сломав ни одной ноги, становится крайне замысловатой задачей. Особенно жалко женщин, конечно. Им приходится ходить чёрт знает в чём на ногах и носить с собой в пакетиках на работу сапоги с каблуками, чтоб на работе выглядеть сексапильно и длинноногого. А ходить в этом же по улице ну не то чтобы невозможно, а невозможно совсем!

Военным-то проще, конечно. Прыгают стайками горных козлов вокруг этих ледяных луж, такие умильные, миленькие, беззащитные, хоть и в шинелях, а потом один какой-нибудь поскользнётся и – шух в эту лужу по скользкому, оттого что мокрый, льду. И все ржут над ним, как пидорасы, вместо того, чтобы бросаться его немедленно спасать. Не, ну вы тоже ржали бы, я вас уверяю, когда суровый военный, такой весь, знаете, в чёрном с ног до головы, с дипломатом и, может быть, даже усами, вжик так в лужу, и брызги вокруг, и ножки так смешно вверх, и волна ленивая раз и накрыла его по самые усы. Знаете, как смешно!

И вообще везде очень скользко. На пирсе, например. Он же железный, и аппарели на нём, когда отлив под довольно значительным углом, склоняются. Помню, прискакал как-то комдив на УАЗике за нашим штурманом какие-то карты во флотилию везти. Стоит, подпрыгивает от нетерпения на суше, а штурман меее-едленно ползёт с секретными картами под мышкой. Комдив не выдерживает, конечно:

– Штурман! Что ты ползёшь, как вошь по блестящей лысине?! Не видишь, я сгораю весь от нетерпения отдаться командующему флотилией!!! Поддай пару-то!!!

– Так скользко же!

– А ты ботинкиними и ногтями в лёд впивайся!

– У меня ногти подстриженные!

– Наберут интеллигентщину на флот! А если война?!

– А если война, то я в тапочках в штурманской рубке воевать буду!

Это первая и самая травмоопасная стадия весны. А вторая это когда уже и ночью не замерзает, и вот эта вот смесь снега, льда, воды и разбившихся надежд под ногами постоянно. Ну как «под ногами» – по колено, в общем-то. И в чём бы ты ни ходил на ногах, постоянно ноги мокрые, холодные, а когда снимаешь носки – пальцы такие, знаете, бледные, морщинистые и мягкие.

Третья стадия (если, конечно, ты пережил эти первые две) – когда начинает появляться Земля. И нет, я не ошибся, написав это слово с большой буквы, потому что не совсем начинаешь понимать, на какой планете ты находишься к концу полярной зимы. Ну, ты же помнишь, что учил в школе вот всякие эти времена года, розы ветров и субтропические пояса, а тут всё вокруг белое всегда, темно и дует в рожу постоянно. Не, ну это Юпитер, значит, или Плутон, но никак не Земля же! А потом она появляется. Она чёрная, жирная и мокрая, но она не тает, если взять её в руки, и не скользит, если, конечно, по ней не скользить. Она выступает полосками вдоль троп, дорог и пешеходных переходов, и все начинают по ней немедленно ходить. Не думаю, что намеренно, а, наверное, на каком-то подсознательном уровне все выстраиваются цепочками и начинают прыгать с проталины на проталину: и военные, и дети, и женщины с сапогами в пакетах, и даже бродячие собаки.

Вот как раз в этот третий период этого времени года я и познакомился с нашим новым командиром роты охраны. А вы, может быть, и не знаете, но подводников в восемнадцатой дивизии охраняли специально обученные люди, морские пехотинцы, потому как подводник – он же только в море грозный витязь, а на

берегу способен только нюхать ромашки, пялиться на баб и через эти обстоятельства абсолютно беззащитен.

Сменился я с наряда и брёл на родной пароход по кривой дороге вдоль залива. Конечно, мне хотелось домой, но нужно было на корабль, поэтому настроение было не ахти, а в руках у меня была банка тушёнки, которой меня наградил начальник камбуза за образцовое несение вахты. Ступаю я себе осторожненько по тонкой чёрной полоске, старательно обходя снежно-водо-ледяную смесь, как нагоняет меня бешено несущийся из дивизии УАЗик и на всех парах обдаёт меня брызгами этого говна.

– Ах ты, сука! – кричу я вслед этому УАЗику и швыряю ему в спину банку тушёнки от избытка душевных чувств. И именно, видимо, от них попадаю ему аккурат в заднее стекло и выбиваю его на хуй, то есть совсем.

УАЗик резко тормозит и оттуда выскакивает старый капитан с красными погонами. Ну, лет тридцать ему, наверное, может тридцать три с виду, но по меркам подводного флота это очень старый капитан.

– Капитан! Ты чё?! – орёт он мне.

– Это ты капитан! – ору я ему в ответ. – А я капитан-лейтенант!

– На хуй ты мне стекло выбил?!

– А на хуй ты меня обрызгал?! Посмотри теперь на мою шинель! Что за пошлые серые капли пресного вкуса на ней, не подскажешь?!

– Бля, ну да, – успокоился капитан, – это я хуй знает, как получилось. Ты это, извини, капитан!

– Капитан-лейтенант, блядь! Откудова ты тут взялся, с Луны, что ли?

– Не, со Спутника я. Ты в Зону идёшь? Садись – подвезу тебя, я как раз на осмотр туда еду!

И тут я решил проявить бдительность от нечего делать, так как бдительность в мои должностные обязанности, в общем-то, и не входила.

– А я, – говорю я, – знаешь ли, не приучен ко всяким незнакомым капитанам в уазики ихние прыгать по первому зову! Я вообще тебя первый раз вижу в нашей до ужаса секретной дивизии, и ты, может, вовсе шпион и диверсант, напяливший форму российского офицера!

Ржёт.

– Я, – говорит, – ваш новый командир роты охраны! Вот только назначен и пока охуеваю от того, насколько у вас тут всё хуёво с безопасностью и охраной!

Закурили.

– А от чего же, – говорю, – ты так плохо о нас отзываешься?

– Не, ну а как? – начинает он махать руками. – Два КПП! Два! КПП! Ни на одном караульные не смотрят пропуска! Вот – тропа какая-то через сопки, вообще за ней никто не следит! Это как вообще? Бери бомбу и иди взрывай атомные подводные крейсеры!

– Крейсер.

– Чего?

– Крейсер, – говорю, – один он ходовой остался, остальные хоть взрывай, хоть не взрывай – никакой уже разницы. Смотри дальше: в дивизии служит примерно пятьсот-шестьсот человек, а из посёлка каждое утро в дивизию едут два кунга, скока в них человек влазит?

– Ну-у... Пятьдесят, наверное!

– А вот хуй тебе! Сто двадцать! Считали один раз. А остальные как, по-твоему, на службу попадают? Добрые феи их переносят своими стрекозиными крылышками? Нет, брат, они пешком по сопкам пиздуют для того, чтобы отдать свой долг Родине! Вот пропуска, говоришь, не проверяют? А хули тут проверять,

если твои бойцы полтора года через сутки стоят на этих КПП? Да они в лицо тут всех знают! Я ему вчера магнитофон «Весна» починил, чтоб он песню «Гранитный камушек» мог пятьсот раз подряд послушать, а он сегодня у меня пропуск спросит? Или у мичмана Василича, который ему завтра сигарет привезёт за деньги, которые у него сегодня взял? А кто ему потом сигареты будет возить и магнитофоны чинить? Тебе историю эту с пропусками рассказали уже?

– Нет ишшо.

– Рассказываю. Как-то стало у нас модно от безделья клеить в пропуска посторонние картинки вместо своих фотографий. Ну, хуй его знает, зачем. Один вклеил себе Шакила О Нила, и понеслось! Через месяц в дивизии ни одного нормального пропуска не было: все игроки НБА, звёзды зарубежной эстрады, актёры театра и кино, и даже пизда у химика с соседнего борта! И всё это продолжалось до тех пор, пока на очередном строевом смотре начальник штаба не приказал неожиданно предъявить пропуска, а потом ходил перед строем в полном недоумении: «Это что, бля, за негр? А это что – тётка? Патрисия Каас, что ли? А это что, Ельцин, штоле? А это – пизда вместо фотографии?! Начхим, ты совсем охуел? Так, клоуны! Что это, блядь, за цирк такой на гастролях в военно-морском флоте? Устранить немедленно! И только ещё раз я увижу!...»

– И что, устранили?

– Да нет, конечно. Ты ж морпех, должен знать, что снаряд в одну воронку дважды не падает!

– И кто у тебя, покажи?

А у меня корнет Плетнёв был на пропуске.

– О, Садальский!

– Не, это я в молодости, актёром был, пробовался на роль, но потом Садальского взяли, по блату, конечно.

– Пиздишь?

– Конечно! Ладно, поехали уже, охранник, а то меня старпом там очень уж дожидается, измаялся уже весь, небось!

Нормальный мужик оказался. Такой свой, помогал нам всегда, чем мог. Даже выручил, помню, когда командир ТК-13 в меня из пистолета стрелял, но это уже другая история.

Осенняя пуля

Лето. Ну а что лето? Лето – это, конечно, лучше, чем зима, но без «но» и тут не обходится. Безусловно, хорошо, что можно на пару месяцев снять шинель с шапкой, купаться в озёрах и даже, может быть, пару раз позагорать. Только есть несколько нюансов: животные, солнце и горячая вода.

Животные – это животные с крылышками, которые пьют кровь. В некоторых местах их ещё называют «комары». На Севере они не такие, как везде: их очень много, и они бесшумные. Они не зудят, как нормальные комары, а абсолютно беззвучны и хитры. И их тучи. В прямом смысле этого слова.

Тучи эти сгущаются в основном над людьми, а если людей несколько, то со стороны картина вообще уморительная. Несколько человечков, вооружившись ветками, пытаются стоять на одном месте, а над ними полчища этих кровопийц, молчаливых, я прошу помнить это. Сволочи, которые не знают о том, что именно люди являются вершиной пищевой цепи, и пытаются их есть.

Солнце. После долгой и тёмной зимы солнце – это просто какой-то натуральный восторг и ни с чем не сравнимое удовольствие. Но до июня примерно. Потом, когда ты регулярно занавешиваешь окно одеялом, потому что спать, когда тебе в два часа ночи светит эта бесспорно уважаемая звезда, несколько проблематично, ты начинаешь ловить себя на мысли, что Солнце – это, безусловно, хорошо: ультрафиолет и фотосинтез. Но, блядь, это же

бестактность, право слово, светить людям в окна, когда они хотят спать! То есть наличие Солнца лучше, чем его отсутствие, но хуже, чем когда оно не совпадает с твоими биологическими часами.

И ещё летом у нас никогда не было горячей воды. С мая по сентябрь. Тут военным опять проще, чем их семьям. У военных есть подводные лодки, на которых есть горячая и холодная вода и даже сауна с бассейном. Проблемы с биологическими часами решаются тоже легко и изящно: включил лампочку – день, выключил – ночь. Правда, звёзд не видно, но тут уж фантазия на выручку приходила. Комаров на лодках тоже нет – спасает мощная система вентиляции. Даже если и залетит какой-то отчаянный комар в центральный пост и начинает кружить в поисках жертвы, то ты смотришь на него, как истинный царь зверей и насекомых! Одно нажатие кнопки «пуск» на системе приточной вентиляции за две секунды избавляет от всех комаров, а также от парочки подводников, зазевавшихся под рубочным люком. Поэтому я не сильно слухавлю, если заявлю, что самая любимая пора у всех жителей на Крайнем Севере – это ранняя осень. Я ещё раз подчёркиваю, что жить на Севере тяжело и малоинтересно, но если вы никогда не видели осени в Заполярье, то вы вообще никогда не видели красоты дикой природы, скажу я вам! Во-первых, она наступает очень быстро, буквально несколько дней и вот она – «очей очарование». Во-вторых, столько оттенков красного, жёлтого, рыжего и оранжевого, причудливо и смело замешанного в одном месте я не видел больше нигде.

Но красота осени – это ещё не всё. Осенью начинается пора ДОБЫЧИ. В Заполярье растут грибы, да и не какие-то там сыроежки, лисички и опята, а строго подосиновики, подберёзовики, белые и мухоморы. Собирать их можно, прямо завернув за угол дома. И количество их обычно не поддаётся исчислению. «Косить грибы» – это у вас в средней полосе поговорка, а в Заполярье – просто описание процесса! Черники, брусники и морошки тоже, конечно, немерено, но я её не люблю ни собирать, ни есть, и поэтому и описывать не буду. А вот собирать грибы – это песня, доложу вам.

Сопки, они же бесконечные, понимаете? То есть можно идти, идти, идти и идти и не увидеть двух одинаковых – они все будут разные по цвету, размеру и высоте. Ёпт, говоришь ты себе, когда уже очухиваешься и с двумя мешками грибов, а где это я? Ищешь самую высокую сопку, забираешься на неё и смотришь вокруг. Мать моя женщина, неизменно думаешь ты, вот это простор и безлюдье! А вон оттуда я, вроде бы, пришёл. Ходили, конечно, компаниями за грибами, но я больше любил в одиночку – компанией же скучно: приходится

разговаривать, шутить и нет никакой возможности помечтать о бренности всего сущего! Ну и со старпомом нашим Сей Санычем никто ходить за грибами не решался.

Старпом у нас был маленький, худенький, но с такой бешеной энергией внутри, что мы даже не боялись в море, что у нас реакторы заглохнут – всегда верили, что старпома тогда подключим как-нибудь хитрой системой проводов и хоть до Луны доплывём. Он, когда выходил гулять в сопки со своим коккер-спаниелем, обратно возвращался, неся того на руках – бедное животное просто не могло идти уже.

– Ну что, ребята! – кричал старпом нам с Игорем. – Пошли за грибами, что ли, сбегает?

А мы как раз и собирались за грибами, сидели с вёдрами на лавочке.

– Не, не, не, Сей Саныч! – дружно отвечали мы ему, глядя в грустные глаза спаниеля Чарли и задвигали вёдра под лавочку. – Мы так, в магазин за молоком, в общем-то, вышли!

– Труссы!

– Не, просто вы нас двоих обратно точно не принесёте!

Хотя... надо было рискнуть, скорее всего, и нас двоих принёс бы.

Поэтому осенью все всегда спешили. Заняться-то особо нечем было для души, а впереди ждала долгая и унылая зима, когда заняться ещё более нечем, и потому надо было срочно спешить ухватить эту осень за хвост! Поэтому, я думаю, этот случай и произошёл. Мы менялись с дежурства по дивизии с командиром ТК-13, он стоял дежурным, а я – его помощником. На дежурство по дивизии у нас было принято заступать при полном параде: всё-таки лицо соединения. Всегда свежайшие рубашки, только что выстиранные чехлы на фуражках и брюки, наглаженные так, что у мухи отрезалась бы жопа, если бы она присела на стрелку. Я как раз новые надел, потому и помню.

Ну и, значит, сдали мы уже дежурство и побежали с Владимиром Алексеевичем в оружейку (соседняя с рубкой дежурного комната) оружие сдавать. Сначала я пистолет разрядил, патроны сложил и убрал всё в пирамиду, а он следил, а потом, значит, наоборот. Я стою у дверей, он сидит за столом, мы оба торопимся, потому как сопки трещат от грибов. Да и вообще, по флотской традиции с дежурства надо сбежать как можно быстрее и дальше, на всякий случай. Он достаёт пистолет, передёргивает затвор, я открываю рот, он нажимает на курок.

В маленькой (примерно два на два метра) комнате, обитой железом, выстрел прозвучал оглушительно. Вонь пороха, сизый дым, в ушах звенит, и в новеньких моих клёшах дырка прямо над ботинком. Владимир Алексеевич бледный, как мел, кладёт пистолет на стол и смотрит на меня.

– Эдуард, – говорит он, – только не молчи.

– Да цел, вроде бы, – отвечаю, – ангелы не поют, света в конце тоннеля не вижу!

Тут в оружейку врывается новый дежурный с пистолетом наперевес и начальник штаба, который подписывал журналы.

– Что! Такое! – орут оба.

– Да вот, – говорит Владимир Алексеевич, – я Эдуарда чуть не убил.

– Давно пора уже! – это начальник штаба, шутник тот ещё. – Почему промазал?

– Да ну вас, тащ капитан первого ранга! Эдуард, разряди мой пистолет, я его уже трогать боюсь!

– Командира роты охраны сюда, срочно! – орёт начальник штаба новому помощнику. – Блядь, это же дырка теперь в пирамиде! И патрона не хватает! Ёпт!

– Простите, – говорю, – а моё здоровье и брюки простреленные никого тут не интересуют?

– Нет! Ты офицер военно-морского флота! И если у тебя не хлещет кровь из оторванных конечностей, значит с тобой всё в порядке!

И вот, значит, они втроем – два командира тяжёлых атомных крейсеров стратегического назначения и начальник штаба дивизии этих же крейсеров, все капитаны первого ранга с орденами и медалями – начинают решать проблему, что же теперь делать с этой дыркой в пирамиде и недостающим патроном от ПМ! Это же просто пиздец какой-то! Дивизию же могут расформировать, не иначе.

Командир роты охраны прибежал быстро, ещё и вонь выветриться не успела.

– Ну что тут у вас, шутинг опять устроили?

– Все смехуёчки вам, тащ майор?

– Никак нет, тащ капитан первого ранга! Я полон сочувствия же и проникнут трагизмом ситуации!

– Вот. Правильный ответ! Останешься майором, значит! Давай, думай, что делать-то будем?

– С чем? Все живы-здоровы, да и хуй с ним!

– Да? А патрон, а дырка?

– В нём дырка? – показывает на меня пальцем. – Не-е-е. Если бы в нём была дырка от ПМ, он бы не стоял тут так вальяжно с наглой рожей!

– Да нет! Вот же – в пирамиде!

– Залепим пластилином и закрасим! Хуй кто узнает!

– А патрон?

– Да есть у меня патроны. Принесу я вам сейчас патрон!

– А номер серийный на нём не тот?

И тут командир роты охраны заулыбался:

– Вот вы, подводники, чесслово, как дети! Да кто их сверять когда будет, номера эти? Здесь две тыщщи патронов в пирамиде! Какой долбоёб на них номера сличать будет?

– Точно?

– Точнее ваших ракет, блядь! Тока тут один нюанс есть.

Все удивлённо посмотрели на майора морской пехоты, потому что, когда майор морской пехоты произносит слово «нюанс», это должно настораживать людей в здравом рассудке.

– Надо, чтоб все об этом молчали, потому как, если узнают особисты, то нам всем пиздец будет, в прямом смысле этого слова!

И все начали дружно смотреть на меня.

– Тронут, – говорю, – до глубины души вашим пристальным вниманием, товарищи офицеры, но чем оно вызвано, стесняюсь спросить?

– Чтоб молчал! – строго насупил брови начальник штаба.

– Я и без дополнительных угроз это понял, между прочим!

Потом мы курили с начальником роты охраны на крылечке, и ветерок приятно охлаждал через новую дырку в новых брюках мою чуть обожжённую ногу.

– Испугался? – спросил меня он.

– Да не, не успел даже сообразить.

– Всегда так и бывает. Три дырки во мне. И тож ни разу не успевал испугаться, гыгыгы. Тока эта, слышь, ты правда не рассказывай никому, ладно, даже корешам своим.

– Ой, да понял я, что вы канючите! Буду нем, как могила!

Лет двадцать молчал. Так-то!

Кувалда и субординация

Если вы думаете, что для того, чтобы быть моряком, достаточно красоты, ума, юмора и смелости, то вы в корне ошибаетесь, скажу я вам! Потому как нужно иметь ещё наглость и умелые руки в обязательном порядке. Вот об этом сегодня и будет рассказ, полный эротизма и душевных переживаний.

В каждом отсеке подводной лодки находится аварийный щит: прямоугольный кусок железа аварийного (красного) цвета, на котором расположены кувалда, топор, зубило, клинья, чопики и прочее.

С наших щитов одно время начали пропадать кувалды. По слухам, пиздили их автомобилисты себе в машины и матросы себе на дембель. На кой хер кувалда в машине, а уж тем более на дембеле – даже и не спрашивайте меня, я просто разведу в ответ руками, олицетворяя собой полнейшее недоумение. Но факт был налицо – кувалды пропадали. А щит в отсеке должен быть укомплектован постоянно, потому как аварийная ситуация, она же такая же внезапная, как смена настроения у женщины. Не, ну загнул я, конечно, для красного словца – не совсем такая внезапная, но примерно. И что только не делали: обматывали инструмент цепью, закрывали щиты крышками с замками, вешали угрожающие надписи – ничего не помогало. Круговорот автомобилистов и дембелей в природе бесконечен на текущий исторический момент, а вот кувалды, наоборот – конечны. Командир седьмого отсека, он же командир трюмной группы за

номером один, он же самый опытный трюмный боец в дивизии (не считая Антоныча, естественно), он же Борисыч – устал бороться с ворами кувалд и получать ебуки от старпома за разукомплектованный аварийный щит и придумал изящное и неординарное решение вопроса. Он склеил себе кувалду из картона.

Но погодите ухмыляться – вы просто не видели той кувалды! Борисыч был не только борцом и здоровым кабаном, он же ещё был умным и обладал уникальным даром систематического подхода к решению любых (я подчёркиваю слово «любых») вопросов. Он начертил лекала, сделал выкройки из картона, пропитал его чем-то, потом загрунтовал и покрасил. Дня два он, как Микеланджело, бился над своей кувалдой, беспощадно уничтожая промежуточные образцы. Но в итоге то, что у него получилось, иначе как произведением искусства назвать было нельзя.

Никто не мог отличить кувалду Борисыча от настоящей ровно до того момента, пока не брал её в руки!

Борисыч любовно, как родную дочь, поместил кувалду на аварийный щит и повесил над ним трогательное объявление следующего содержания: «Уёбки! Кувалда – из картона!!! Не надо пытаться её оторвать и спиздить! Если увижу на ней хоть одну вмятину – всю смену положу!»

Как бы несколько условно, но на берегу вахта на лодке тоже делится на несколько смен, только смены длятся сутками, а не часами. Объявление провисело неделю, а потом Борисыч его снял – все его уже прочитали и прониклись до глубин своих душ такой трогательной просьбой. Даже командир со старпомом прочитали его (а спуск в их каюты был аккурат напротив аварийного щита седьмого отсека).

– Да ладно? – удивился командир, разглядывая кувалду. – Правда, из картона, что ли?

И потянулся руками, чтобы её потрогать.

– Тащ командир, – не выдержал Борисыч, – ну вот написано же русским по белому: «Руками не трогать!»

– Да я аккуратно. Чо ты орёшь-то, как раненный в жопу бизон?

– Это я не ору, тащ командир, а ласково прошу!

– Да, Сан Сеич, – вступился за кувалду старпом, – хоть мы в сменах и не состоим, но опасность-то и над нами висит, я чувствую жопой сейчас!

– Хорошо, Сей Саныч, пойдёмте.

Вышли.

– Не, Борисыч, правда из картона, что ли? – крикнул командир уже снизу.

А потом к нам на борт прибыл штаб дивизии с какой-то там очередной проверкой. Флагманских специалистов распределили по отсекам, чтоб они проверили, на месте ли бардак после прошлой проверки, или эти ленивые скоты всё-таки что-то устранили. В седьмой отсек пришёл временно исполняющий обязанности помощника НЭМС дивизии Сергей – однокашник и друг Борисыча. Ну, послунялся он по отсеку, попил чаю и от нечего делать взялся помогать трюмным разбирать какую-то загогулину на проходной палубе. Загогулина попалась какая-то норовистая и разбираться категорически отказывалась, как её ни уговаривали гаечными ключами и обценной лексикой.

– Да, блядь, что вы как минёры безмозглые! – не выдержал пассивного наблюдения Сергей. – Вон кувалдой ёбните разок!

И схватил кувалду с аварийного щита.

Сразу даже было непонятно, чему он удивился больше – дружному «ахххх!» и округлившимся от ужаса глазам чумазных трюмных чертей или своей неожиданной богатырской силушке, которой он смял рукоять кувалды, не прилагая видимых усилий.

– А... – сказал Сергей, с удивлением разглядывая свои ладони.

– Чо тут за шум, а драки до сих пор нет? – заскочил в отсек Борисыч. – Чо стоите непуганной шоблой-ёблой, всю работу переделали?

И тут Борисыч увидел останки своей любимой. Кувалды, в смысле.

– Кто?

Трюмные молча пятились назад.

– Ктообляя?!

Они поупирались спинами в переборки и клапана системы ВВД и только когда поняли, что тянуть время становится опасно для жизни, дрожащими пальцами показали на флагманского специалиста дивизии.

– Си-и-и-ирь-ожа-а-а! – ласково сказал Борисыч и взял его за лацканы пиджака сардельками, которые были у него вместо пальцев. – Дру-у-у-ух мой бывший, ну что же ты так опрометчиво сгубил свою йу-у-уную-у-у-у жизнь, касатик?

– Андрюха! Да я это! Нечаянно! Я ж того! Андрюха! Я ж не знал-то этого вот всего!!!

– Нечаянно, Сирожэ? А теперь ты чаянно возьмишь ножницы, картон и две баночки с красочкой и сделаешь мне такую же кувалдочку взамен убиенной тобой! И тогда, Сирожэчка, ты, может быть, уйдёшь отсюда с целыми членами своего организма!

Через какое-то время командир дивизии собрал офицеров штаба и командиров отсека в центральный на доклад. Не хватало только помощника НЭМС из седьмого отсека.

– Ну, где его носит? – торопился командир дивизии.

– Да сожрали, небось, крокодилы в трюме седьмого, да Борисыч? – начал искрить юмором НЭМС. – Там же у вас это, как его, террариум, тока с крокодилами. Да?

– Никак нет, товарищ капитан первого ранга! В моём трюме в белых тапочках ходить можно и не запачкаетесь! – парировал Борисыч.

Тут в центральный наконец впрыгнул долгожданный офицер с перепачканными чёрной и красной краской руками.

– Ты где вляпался-то? – удивился НЭМС.

– Да его, небось, командир седьмого приборку там шуршать заставил в седьмом, да? – предположил командир дивизии. – Годкуешь, небось, Павлов?

– Никак нет, тащ контр-адмирал! Я свято чту воинскую субординацию и проявляю уважения ко всем вышестоящим офицерам, даже временно исполняющим обязанности! – доложил Борисыч, выпятив грудь и важно надувая губы.

– Орёл, да. Ну что, товарищи офицеры, начнём доклад?

А ещё Борисыч однажды делал санки для того, чтобы взять их на охоту за добычей. Но об этом – в другой истории.

Любишь кататься? Люби и с санками... заниматься!

А как у вас обстоят дела с ловкостью рук? Ну, не в том смысле, можете ли вы украсть часы или незаметно вытащить бумажник. А в том, умеете ли вы что-нибудь делать руками? Что-нибудь этакое. Я ужас как уважаю рукастых людей, вообще любых. Строгаешь красивые табуретки, чинишь автомобили, жонглируешь булавами с огнём или рисуешь картину – велкам ко мне в список уважаемых личностей! Сам-то я не то чтобы жопорукий: стандартный набор – забить гвоздь-отремонтировать кран-переустановить виндоус – освоен мной на 146 и даже больше процентов. Но что-нибудь особенное – это не ко мне.

А Борисыч вот мог. Несмотря на свое интеллигентное происхождение из Питера – рукастый был воин. Хотя, думаю, что-то он скрывал про свои корни. Ну разве

может у питерского интеллигента потеряться на три года ящик сгущёнки на антресолях? А у Борисыча и такой случай был. А тут приспичило ему пойти на охоту.

Времена тогда тяжёлые были, и за мясо у нас считались американские куриные окорочка. И то, в основном, по праздникам. И водился в экипаже один заядлый охотник – комсомолец по имени Олег. Сам он был из местных, то есть родился и вырос в Западной Лице, оттуда поступил в училище и туда же вернулся служить. А чем ещё вот вы бы занимались в «городе» с населением десять тысяч человек и одним ДОФом в радиусе ста километров? Не, ну понятно, что водку бы пили. Ну, а в остальное время? Вот поэтому у нас много было рыбаков, охотников и прочих собирателей золотого корня.

Олег как раз купил себе новый карабин, не то «Сайгу», не то «Тигра», точно уже не помню, и собирался выходить на полевые его испытания. Ну и Борисыч напросился пойти с ним, помогать там чистить ружьё, подавать боеприпасы и за это войти в долю на убитую добычу. «Конечно, – сказал Олег, – вдвоём-то веселее животных убивать!»

Как и любое благое начинание, это происходило зимой. Мы стояли на рубке, курили и смотрели на белые клубы тумана, которые стелились по воде залива. Братишка Гольфстрим, он же, как и подводники, не любил зиму и всячески с нею боролся. Залив, например, никогда у нас не замерзал, а когда морозы были особенно крепки, он дымился. Доходило до того, что иногда, стоя на рубке, можно было на секунду отключить мозг и представить, что стоишь ты не на атомной подводной лодке, а на огромном дирижабле, который своим чёрным пузом плывёт по белой плотной шапке облаков и везёт тебя куда-нибудь в место, где все твои мечты наконец-то обретут форму, цвет, вкус и запах. Но это если не смотреть в сторону берега. Гольфстрим, конечно, старался и посылал свою туманную армию и на берег, но всё, что ему удавалось, это на несколько метров от берега делать из плотной снежной шапки ноздреватую пемзу.

– Слушай, – возбуждённо спрашивал Борисыч Олега, – а сколько патронов у нас? Хватит?

– Да штук пять у меня есть, хватит, конечно.

– А чего так мало-то? А вдруг там добычи будет – во!

– Они же денег стоят, Борисыч. Хватит нам и пяти, я тебе говорю!

– Не, не, не. Пять – это вообще ни о чём! Штук десять-пятнадцать точно надо брать, чувствую!

– Зачем, Борисыч?

– Да ты ничего не понимаешь своим мозгом замполитским! Вот смотри: пару рябчиков, олень и гусь какой-нибудь! Вот тебе и все патроны! А если ещё олень?

– Здесь не водятся рябчики, Борисыч.

– Хорошо, три оленя!

Олег захихикал:

– Эдик, успокой его!

– Как? Нашёл тут фенотепам себе! Это же Борисыч, его и паровым катком не остановишь!

– Борисыч, ну смотри, – нашёл аргумент Олег, – если мы столько наубиваем всех, то мы это даже как тащить-то будем? Нам же не одну сотню километров шпилить!

– Да, блядь, что за детский сад, Олег! Надо же иметь специальные санки для этого! Как ты вообще таким неподготовленным к процессу подходишь! Никакого системного подхода и планирования!

– Да всю жизнь так подхожу! Нет у меня санок, отстань!

Борисыч на секунду задумался.

– Будут у нас санки, Олег. Будут. Звери сами в них прыгать будут! – орал он, уже спускаясь в рубочный люк.

– Как на дирижабле, да? – сказал Олег мне и показал в сторону залива.

– Ну. Как раз пять минут назад об этом подумал.

У нас обычно помощником дежурного по кораблю стоял кто-то из старшин команд. Практически все они были у нас старшими мичманами, не одну пятилетку отсидевшими «на железе», и доверием пользовались в достаточном количестве, чтобы поручать им охрану ПЛ с двух до шести ночи. Но в исключительных случаях помощниками ставили и офицеров.

– Завтра помощником со мной заступаешь! – довёл до меня Борисыч.

– А что за на?

– Важное дело! Я со старпомом договорился!

«О-о-о-о, – думаю я себе, – хоть выплюсь от души».

– Но стоять будешь ты все сутки! У меня важное дело! – обломал Борисыч мою сладкую мечту на взлёте.

– Борисыч, да что за на?

– Годковщина, брат, не взыщи уж!

Заступили. Сел я, унылый, в центральном посту, и тут началось. Матросы-трюмные потащили наверх... всё. Я с удивлением смотрел, как трое этих муравьишек прут доски, пластик, железо, тряпки, кувалды, зубила, пилы и ещё всякое по мелочи. Потом в центральный ввалился упакованный в водолазное бельё, ватник, шапку и перчатки Борисыч.

– Если что, я на пирсе! Служи по уставу, завоеешь честь и славу! Меня не беспокоить!

– А если атомная война?

– Похуй! Сам воюй, взрослый уже!

На пирсе Борисыч начал Творить. Он пилил, строгал, забивал, гнул, сверлил, закручивал, подгонял, вставлял, отрезал, наращивал, развальцовывал и даже резал. Потом он смотрел, что у него получилось, спихивал это в залив и начинал заново. Залюбуешься просто, доложу я вам! Огонь, вода и чужая работа: ну вы меня понимаете.

– Эди-и-ик, – жалобно пропищал Борисыч в «Лиственницу» через пару часов. – Вынеси чаю-то хоть!

На улице уже начало смеркаться. На пирсах и вдоль приливной черты берега включили прожектора, и плотный белый туман стал ещё загадочнее: мало того, что он клубился и как будто жил, он ещё начал блестеть. «Мать моя женщина, красота-то какая!» – подумал я, поднявшись на рубку с горячим чаем в кружке типа «привет губам». Ну, точно сейчас приплывём куда-нибудь, если чудовища не сожрут, потому как в таком тумане ну явно они должны водиться!

– Эбля! – заорал Борисыч с пирса. – Чо ты там, как хуй на свадьбе?! Неси чай, пока не остыл!

Если вы не видели, как выглядят суровые подводники, когда вокруг мороз и влажность, то вы не поймёте того умильного выражения лица, которое было на мне, когда я подавал Борисычу чай. Так-то он выглядел сурово, я уже писал: борец, с гориллообразной фигурой, сломанными ушами и отсутствием волос на затылке и боках головы, а ещё у него была фикса железная. Но тут белый пушистый иней на бровях, в носу и на щетине делал из него такого няшечку (хотя слово такое нам тогда было неизвестно).

– Чо ты лыбишься? Кружки нормальной не было? – спросила меня няшечка.

– Нормальная кружка! Должен же я тебе отомстить как-то!

– Плюнул туда ещё, небось?

– А как же!

– Ну. Как тебе?

Борисыч спрашивал про санки, модель номер четыре которых стояла у его ног. Санки были, конечно, что надо санки! Не то что олень, я и сам бы лёг на них умирать! К загнутым носам широких алюминиевых полозьев шла хитрая система ремней и стяжек на грудь и плечи, само тело санок крепилось на полозья металлическими стоечками и было собрано из плотно подогнанных досок и обшито пластиком (чтоб кровь легче отмывать, сказал Борисыч). А ещё имелся низенький бортик с системой крепления туши.

– Да ты опасен, чёрт! – только и смог я выдавить из себя. – Я теперь опасаясь, что живу с тобой в соседнем подъезде! А чо они такого размера-то? Слона завалить планируешь?

– А какого размера олени?

– Ну, вот такого, – развёл я руки в стороны.

– Не, ты чё! Они же здоровые, как лоси!

– Борисыч! Это лоси здоровые, как лоси! А олени, они размером с оленей!

– Ты ничего не понимаешь! Двух положим или трёх влёгкую! Тебе тоже, может, кусок оленятины подгоню, если будешь себя хорошо вести и слушаться старших!

– Всегда же так делаю!

– Ну, тогда считай, что мясо в кармане у тебя!

Ушли они на охоту на три дня и вернулись с тем же количеством патронов, что и уходили.

– Блядь, одного паука встретили за все эти тыщщу километров! – горевал потом Борисыч. – Похихикал он с нас, стрельнул сигаретку и убежал!

– Он-то вас и сдал оленям, бля буду! – резюмировал Антоныч. – Надо было валить! Хоть бы санки зря не таскали с собой!

– Ай, ну вас! – отмахивался Борисыч. – Вам лишь бы поржать!

Но зато Олег сказал, что Борисыч вёл себя на охоте достойно: не ныл, не просился домой и не пил сверх нормы. Не то что старпом по БУ, который через пару-тройку сотен километров сел на снег и попросил: «Олег, пожалуйста, только давай не будем никого убивать!».

А на санках потом матросы с сопок катались и Борисыча благодарили: хоть какое-то развлечение в короткую восьмимесячную зиму без солнца, женщин и перспектив. Ну, конечно, самые достойные из них, которым саночки выдавались в качестве поощрения за какой-нибудь локальный повод. И не иначе.

Оксюморон

Где может быть страшно подводнику? Ну, уж точно не в море. Там всё предельно понятно: слышишь тревогу – бегом занимай свой пост, бояться некогда. Занял свой пост – делай то, что написано в инструкции по данной тревоге, и смотри вокруг, может, кому помочь надо. Ну вот написано, например, что по тревоге «Пожар» ты включаешься в средства защиты дыхания и крутишь катушку ВПЛ. Ну, вот скажите, что может быть страшного в том, что нужно крутить катушку ВПЛ? Катушка смазана, шланг на ней аккуратно уложен тобой же и неоднократно проверен, и хотя в отсеке, вероятнее всего, ничего не видно, жарко, и все кричат, но расположение катушки своей ты знаешь назубок и знаешь, что нужно стать возле неё на колени и крутить от себя. Ну, вот что здесь страшного? А потом, когда всё закончено, вроде бы можно и побояться, но смысла в этом уже никакого и нет – всё же закончилось, и все начинают обсуждать, что и как происходило и кто оказался лошпетом, а кто бежал в отсек с выпученными глазами и эрекцией из трусов. Это же смешно, понимаете?

А бегут все, как угорелые, конечно, потому как попасть в свой отсек нужно обязательно, пока не задраили переборки, потому что в своём отсеке ты нужный

винтик механизма из рук, ног, голов и технических средств, а в чужом – бесполезный и лишний разгильдяй. Конечно, ты знаешь устройство чужого отсека, каждый день на отработках вахты ты отрабатываешь свои действия то в одном, то в другом, то в третьем, и поэтому свой знаешь, как родной (а он и есть для тебя родной в море), а чужой – примерно как троюродный. И в чужом отсеке есть свои люди, которые крутят катушки ВПЛ, стоят в готовности на клапанах ЛОХ, несут раздвижные упоры и готовятся тесать клинья с топорами в руках. А тебе поручат, например, стоять на переборке в соседний и держать кремальеру, чтоб никого не пускать, а что в этом почётного и какие нужны нервы, вы можете представить себе, чтоб держать кремальеру и не пускать? Там же люди, товарищи твои боевые и друзья, они в этот самый момент могут погибнуть, а ты стоишь и не пускаешь их. Вот поэтому все и ломаются в свои отсеки, как оголтелые – одно дело сгореть, вращая свою катушку ВПЛ, а другое – выжить, но не пускать своих горящих товарищей. Я с ходу и не скажу, что предпочтительней. Хорошо, если, например, вы живёте в восьмом, а бежать вам по тревоге в восемнадцатый или девятнадцатый, пока всё стадо из жилых разбежится, всяко успеете. А вот если вам в шестнадцатый? Стопудово побежите как есть, схватив одежду и ПДА в охапку. А потом, блядь, начинается:

– Анатолич! Ты себе не представляешь! Стою я на переборке, а за спиной моей пламя, я с огнетушителем и думаю, скока там у него струя-то, чтоб, значит, брови не опалить, а тут в отсек заскакивает Василич с хуем наперевес!! И я думаю, да чо там тех бровей-то, ёпта, и прямо в пламя это бросаюсь грудью, тока бы от Василича подальше! Хххто его знает, что у него там на его молдавском уме!!

И все ржут. И Василич тоже ржёт, ну, потому что смешно же, чего тут страшного-то? Вот. А заранее тем более бояться бессмысленно, хотя бы потому, что возможных опасностей столько, что любой инспектор из службы охраны труда с ума сойдёт, пока все риски учтёт и запишет. Поэтому-то их и нет на подводных лодках – ну чего зря людей с ума-то сводить? Пусть вон в народном хозяйстве пользу лучше стране приносят!

Поэтому страх овладевает подводником в основном при несении им службы на берегу. При несении службы на берегу подводника могут снять с наряда и поставить тут же на вторые сутки, что очень некомфортно отражается на его тонкой душевной организации. Поставить его в наряд на праздник, что приводит его в полное уныние и портит кроме самого праздника и все те дни, которые он ждёт этого испорченного праздника. Лишить квартальной премии, причём

произвольно назначив крайним. И практически самое страшное – приказать слазить внутрь пирса.

У нас, например, одно время придумали такую специальную вахту против чеченских боевиков: кроме матроса с автоматом на пирсе ещё должен был находиться военный с рацией в руках в звании не менее мичмана и за мешками с песком. Логически объяснить предназначение этой вахты и каким, собственно, образом её наличие поможет при нападении чеченских террористов, никто так и не смог. Ну, будет орать этот самый человек, лёжа за мешками с песком, в эту самую рацию: «Мэйдэй! Мэйдэй! Колин мазер шип!» И что? Его же даже и не услышит никто – в прочный корпус рации как бы и не добивают вовсе, а с соседних бортов звуки перестрелки и так будут слышны. Но чем силен флот? Правильно – долбоёбами... То есть я хотел сказать – светлыми умами с инициативой, которая на боевых экипажах нещадно карается, а в штабах, наоборот, крайне приветствуется.

А ещё есть заместители командира дивизии, которым ночью не спится и прямо вот так и хочется проверить, как же она несётся, эта самая чеченская вахта.

– Товарищ дежурный по кораблю! – кричит он утром в трубку. – Почему у вас не неслась чеченская вахта ночью!!!

Не, ну так-то мог хотя бы вопросительную интонацию в конце предложения включить, а то вроде как и вопрос, а вроде как и просто орёт, требуя каких-то нелепых оправданий. Не, ну можно было, конечно, начинать заливать ему в уши, что, мол, именно в это время их и менял, мне же вахтенный доложил, когда его УАЗик по зоне крутился. Но какого хэ, в конце-то концов?

– А мне, тащ капитан первого ранга, некого было выставлять согласно приказу на вахту.

– Как это некого!

И опять вот эти вот знаки восклицания неуместные. К чему все эти нервы?

– Так это что, у меня по приказу там стоят дежурные по БЧ-2, БЧ-3 и БЧ-4, а как раз в это время был объявлен сигнал «Ветер-2». И дежурный по БЧ-4 обязан, согласно своей непосредственной инструкции, находиться в рубке связи

постоянно, а дежурный по БЧ-2 – готовить швартовые команды к выходу, а минёр – свою вахту в это время как раз отстоял и, опять же, должен готовиться к участию в швартовке корабля.

Не, ну чётко я, да, всё по полочкам разложил? А он сопит в трубку, ну, он же начальник, значит я дурак, однозначно, должен быть.

– Вы должны были принять соответствующие меры!

Ну, вот тут, конечно, мне бы промолчать надо было бы, но я не смог. И тоже вот вопросительную интонацию из голоса убрал. Так-то вроде бы и не хамлю:

– Какие, простите, меры. Это не в моей компетенции уже, о чём прямо указано в Корабельном Уставе и инструкции дежурного по кораблю.

– Так! Завтра мне чтоб объяснительную! – звучит мне ответ и бросается трубка.

– Ну что? – спрашивал меня потом командир. – Докладывай, как старшего офицера на хуй посылал.

И, выслушав мой дословный пересказ нашего короткого диалога, добавил:

– Ну дерзил, в общем, да. Объяснительную-то будешь писать?

– Тащ командир, ну в чём я виноват? С чего мне ему объяснительную писать? Я нарушил что-то?

– Эдуард, ты как маленький, ну честное слово! Это ж флот! При чём тут нарушил – не нарушил, здесь не работают эти логические цепочки! Сказали «дурак», ответил «есть!» и пошёл исправлять!

– Да что исправлять-то?

– Да какая в жопу разница? Главное, чтоб пошёл!

– Эдуард, б! – не выдержал зам. – Ну хули ты выебываешься! Напиши, б, эту объяснительную, б, и мы всё замнём, б! А то лишат тебя премии квартальной, как пить дать!

– Я два месяца без зарплаты своей копеечной сижу, меня вообще не пугает перспектива лишиться денег, которые я неизвестно когда получу!

Не, ну психанул я, да. Что-то гордость забулькала. Командир позвонил, конечно, заместителю командира дивизии и попытался решить ситуацию мирным путём, но тот упёрся и ни в какую. Зам пообещал решить вопрос по своим каналам.

А зам у нас был тогда не из классических замполитов, а бывший командир седьмой боевой части, и поэтому нас любил по-настоящему в отличие от замполитов и всегда, всегда старался помочь, чем мог. Замечательный был замполит. Вот почему именно таких и не готовили в этих их бурсах замполитских? Он несколько дней бегал и рассказывал мне, к кому ходил и что объяснял, но в итоге развёл руками – ничего, мол, не вышло – вот приказ по дивизии о твоём наказании, распишись в ознакомлении. Но если вы думаете, что премии меня лишили и в моём личном деле есть запись о наказании, то вы плохо оцениваете степень моей везучести и избалованности судьбой.

Выручил меня на этот раз ни больше, ни меньше, а сам Министр обороны. Примерно через месяц после этих событий и произошёл тот случай с присвоением мне очередного воинского звания досрочно, который вы все уже знаете из рассказа «Я и бал принцесс». И получается вот он, военно-морской оксюморон: одновременно два моих начальника объявляют меня лучшим офицером флотилии и гадким скотом, который из рук вон плохо несёт дежурно-вахтенную службу. Сразу объясню для придирчивых в области этимологии читателей, в чём заключается оксюморон: по факту я получился «хуёвый герой». А на флоте, чтоб вы знали, такого не бывает. На флоте всё по полочкам разложено – вот тут лежат хуёвые, а вот тут – герои. И угадайте, кто из них автоматически считается более прав, а кто – более лев? Ладно, не гадайте, я вам подскажу – ну, конечно же, Министр обороны!

И приказ-то не отменить теперь. Оснований для этого нет – это раз, и получается, что Министр обороны ошибся – это два. Просто его удалили втихаря и все копии уничтожили, мою даже просили у меня вернуть.

– Тащ командир, да не знаю я, куда её дел! Ну, где я её найду? Да на фиг она кому нужна?

– Ну, мало ли, шантажировать потом начнёшь заместителя командира дивизии, он так опасается.

– Сан Сеич! Он же хороший офицер, я это знаю, вы это знаете, ну с кем не бывает-то? Чего мне его шантажировать-то? Гондон я какой, что ли?

– Вот знаешь, Эдуард, за что я тебя люблю?

– Никак нет, тащ командир!

Командир помолчал, потом картинно вздохнул:

– Вот и я не знаю.

А в пирс я тоже один раз лазил. Но эта история заслуживает того, чтоб рассказать её отдельно.

Короли говна и пара

Вот скажите, тот вид деятельности, которым вы сейчас занимаетесь, вы как выбирали? Целенаправленно шли к нему, готовились и вздыхали о нём по ночам в ожидании совершеннолетия или он – череда нелепых случайностей и непредвиденных обстоятельств? Или и то, и другое с некоторым вкраплением «а вот если бы»?

И то, и другое, и третье, я думаю. А иногда даже всё это в равных пропорциях. Вот так же я могу ответить и на вопрос «а как становятся трюмными на подводных лодках?» Ну, или спецтрюмными, или турбинистами. Например, когда я вышел из кабинета НЭМС, в коридоре штаба дивизии стояли ещё два лейтенанта: Андрей и Артём, которые окончили кораблестроительный факультет училища им. Дзержинского. Кораблестроительный! Понимаете, о чём, они думали, когда поступали на него? Наверняка же о судоверфях, закатанных

рукавах, рубанках, топорах и солёном морском бризе Балтики, да?

– Откуда, дровишки? – ласково спросил их огромный бородатый капитан первого ранга.

– Из Дзержинки, – хором пропищали они. А, нет, не хором, дуэтом же.

– Ну... – протянул НЭМС, – ничего, наверное, бывает и хуже. А кто такие по специальности?

– Корабелы! – гордо ответили они, выпятив свои юные грудные клетки.

– А-а-а-а-а-а!!! – обрадовался НЭМС. – Трю-ю-ю-у-у-умные-е-е-е!!! Заходите!!!

И вот. Закатанных рукавов тебе сколько хочешь, а с бризами и свежестью, мягко говоря, некоторые проблемы. Трюмных на подводных лодках называют «короли говна и пара». Да и всех механиков, в общем, называют так. Если вам кажется, что название это оскорбительное, то спешу вас несколько разочаровать. Это – почётное название и несут его с гордостью ровно такой же, как флаг. Никто из механиков на него не обижается, а вот бойцов из «люксовых» боевых частей механики называют «пассажиры». Это, конечно, уже немного обидно, но люксы тоже не обижаются, они же понимают, что да, они тоже работают, но механикам кроме этого приходится ещё и «хуярить», а иногда даже и «въёбывать». Механики поэтому на подводных лодках злые, хмурые, нелюдимые и признаки уважения проявляют только за профессиональные качества, чураясь элементарной вежливости согласно военному табелю о рангах. Да и вообще, для меня лично абсолютно нереальной кажется ситуация, в которой один подводник будет презирать другого. Ну, вот представьте, например, всех своих коллег с БДР и БДРМ проектов (которые тоже крейсера, между прочим и, вы не поверите, тоже стратегического назначения) мы называли «мелкописечными», при этом полностью понимая, что их труд, в общем-то, возможно, и тяжелее нашего. То есть в этом слове «мелкописечный» была просто констатация факта, не более того. Ну не могут они убить одним залпом, например, пятьдесят миллионов человек – ну что это за размах такой, согласитесь? К нам как-то пришёл «на постоять» РТМ из Лопатки, и прибежал на борт электрик Игорь (мы с ним учились вместе). Вахтенный привёл его ко мне в каюту, мы пообнимались с ним, и он спрашивает:

– Эдик, а Макс же с тобой служит? Где он?

– Да у себя в пятнадцатом, – говорю, – пошли, я тебя отведу.

И с удивлением наблюдаю, как Игорь надевает шапку.

– Игорь, – говорю, – мы не будем выходить наверх, мы прямо по отсекам пройдем.

– Я знаю!

– А на кой хрен ты шапку натянул?

– Ну как? В корму же идём, чтоб головой не биться!

– А мы в волейбол там планируем играть?

– Прости, друх, забыл, что на водовозе!

Вот прозвище «водовоз», по-вашему, обидное? Как по-моему – так нет. А ещё к нам «Барракуда» один раз приходила, так её вообще из-за пирса не было видно. Мы многоцелевые лодки называли «мухобойками», а их экипажи соответственно «мухобоями». Вот скажите вслух слово «мухобой». А теперь повторите ещё раз, но на два тона ниже: вот так мы их называли, с уважением и всем должным пиететом.

И вот стоим мы с электриком Серёгой (два метра пятнадцать сантиметров в холке) и смотрим с пирса вниз на эту, уж простите, мухобойку, а оттуда черти вылазят, естественно, немного навеселе – они же пришвартовались уже, тем более в чужой базе.

– О-о-о! Акулисты!!! – орут эти черти. – Айда к нам на экскурсию!!!

– Да как-то хуй его знает, – отвечает им Серёга, – я сгибаться начинаю, когда просто на неё смотрю!

– А зато! Мы! Через свою! Подводную лодку! Бутылку с пивом можем перекинуть за борт! А вы? Можете через свою? Не ссыте, пошли!

Ну, пошли мы, конечно. Серёга так ни разу, по-моему, и не разогнулся, а в некоторых местах так и вообще в пояс согнутый ходил. Вот как их можно не уважать, если им там даже в полный рост разогнуться не везде можно и надо надевать шапку, чтобы сходить в корму? Подводная лодка, она, знаете ли, железная, и биться об неё головой малоприятное удовольствие. А им приходится. Так же и внутри экипажей все, в общем-то равны, даже минёры, что бы вы там себе ни подумали. Понятно, что «люксы» ходят в корму не более двух-трёх раз за всю свою службу – в основном, когда сдают зачёты по устройству корабля или когда в пьяном виде спорят с другими «люксами», что смогут сходить в корму, не заблудиться там и не быть съеденными крокодилами. Это у них крайнее проявление их люксовой доблести в мирное время. Но все они – товарищи. Над ними можно смеяться, подтрунивать, а над минёрами даже издеваться, но презирать их или проявлять неуважение не придёт в голову ни одному нормальному подводнику. Это касается также и корабельных прослоек с буквами «Х» и «М» – химиков и медиков. Прослойка они потому, что не «люксы», но и не механики, но, знаете ли, кислород и вырванный больной зуб в море очень дорогого стоит! Не касается это только одного типа подводников на корабле – замполитов. Мне, я повторяюсь, с ними везло: мой первый замполит Станислав Анатольевич, с которым я и прослужил большинство своей службы, был просто отличным человеком и душой компании. На какие только ухищрения он ни шёл, чтоб оградить экипаж от всей этой замполитской чуши, мегатоннами спускаемой сверху нам на головы! Но это, пожалуй, исключение, которое лишь подчёркивает правило, что замполиты – это молча презираемая среди боевых офицеров флота каста. У нас-то было всё, как в песне поётся: командир – папа, замполит – мама, а старпом просто всех ебал. Не потому, что у него был скверный характер или несварение желудка, а потому что такая у него была должность на корабле – всех ебать, от чего у него и становился скверный характер и несварение желудка. И вот, значит, на выходе в море, например, турбинисты отвечают за то, чтобы крутились турбины, спецтрюмные за то, чтобы делились ядра урана, штурмана за то, чтобы мы не заблудились, акустики за то, чтобы мы никуда не въебались в подводном положении, трюмные за то, чтобы была вода, технический воздух, гидравлика, холод в провизионных камерах, управлялись рули и удалялись отработанные среды, командир вообще за всё, а замполит – за боевые листки. Вот, блядь, хоть атомная война, хоть ручное управление турбинами, пофиг, главное, чтоб все рисовали боевые листки для поднятия своего же боевого духа. Ну, блядь, ну вы меня понимаете? Подводники – понимают.

Про онанизм на подводных лодках

Я не собирался писать этот рассказ. Не потому что я какой-то ханжа, или мне слабо рассказать про сексуальное самоудовлетворение мужчин, а просто не собирался. Сколько ни тверди людям, что подводная лодка не место для любви (не считая высшего её проявления – любви к Родине), они всё никак не хотят в это уверовать.

Во избежание травмирования психики и добавления чёрных красок в радужную картину мира я крайне не рекомендую читать этот рассказ детям, беременным женщинам, юным девушкам, а также беременным детям и беременным юным девушкам. Остальные – на свой страх и риск, я вас предупредил.

Однажды один юный отец из леса пристал ко мне, как слепой к забору, с просьбой рассказать, как же мы на подводных лодках дровичи. Я ему говорю, что не дровичи мы – не те обстоятельства и степень комфорта, но юный отец никак не отставал от меня и всё твердил, что я пытаюсь его обмануть, а то и вообще наебать. Поэтому давайте я не буду говорить за всех подводников в мире, но распишу вам осреднённую картину жизни и быта на подводной лодке в море. А там вы уж сами подумаете, кто из нас более прав, а кто – более лев.

С момента начала ввода ГЭУ время на подводных лодках начинает течь по-другому, чем в простой земной жизни. У вас, землян, оно течёт сутками, а у подводников – вахтами. Вахта – четыре часа два раза за 24 часа, ещё восемь часов из 24 часов отводится на учения, занятия и обслуживание материальной части – всякие ППО и ППР. Итак, до следующего цикла, остаётся восемь часов на отдых. В эти восемь часов входят приёмы пищи (четыре раза в сутки), всякие там умывания, перекуры и тревоги для выполнения боевых задач. Среднее время, которое подводник может выделить себе на сон из 24 часов – часа два или три (если очень повезёт). Соответственно, твой организм начинает как-то подстраиваться под такой режим, включает свои защитные функции и

задействует скрытые резервы. Кроме того, организм подстраивается и под резко изменившийся режим питания: в нормальной жизни ты завтракаешь в семь утра, обедаешь в час и ужинаешь в шесть вечера, а тут – завтракаешь в три часа ночи и обедаешь в пять вечера, например. Вся пища при этом готовится на воде двойной дистилляции, то есть жидкость в организме не задерживается вообще, чтоб вы понимали. А ещё мудак-интендант вместо того, чтоб взять нормального сока, нахапал от жадности нектаров гуавы и папайи, а это такая сладкая и тягучая гадость, доложу я вам!

Моделируем ситуацию: три-четыре дня плавания прошли, всплыли мы на сеанс связи, связались, погрузились, отбой тревоги. Смотришь на часы – через два часа тебе заступать на вахту, при этом надо ещё успеть позавтракать, то есть на сон остаётся часа полтора. Естественно, первое, о чём ты думаешь, это как бы тебе гуся своего подушить. Ты же всего трое суток не спишь, о чём же ещё можно думать? По мнению земных юных отцов.

Или пришёл ты на обед: весь такой в погонах и кремовой рубашке, с ПДА на боку и желанием в глазах. Вестовой подаёт тебе суп из семи залуп перловых круп. Начинаешь елозить в нём ложкой. А тут звон.

– Учебная тревога! Для всплытия подводной лодки без хода!

Ебучие акустики полынью нашли, значит. Разбегаешься по боевым постам. Час ловите эту полынью, она, насмехаясь над вашей косорукостью и никчёмностью перед Природой, от вас успешно съёбывает.

– Отбой тревоги! Третьей смене на вахту заступить!

– Эбля! – удивляешься ты. – Мы жы не пообедали ещё!

– Отставить третьей смене! Второй смене на вахту заступить!

Понятно, что дадут тебе на всё минут пятнадцать. Бредёшь в кают-компанию, а там тараканы в твоём остывшем супе уже третий чемпионат мира по водному поло проводят. Ну, о чём тут ещё можно думать, как не о том, как бы мне подрочить? Только об этом, естественно.

Сейчас про интимную обстановку жизни подводников. Как подводники живут? Офицеры живут, в основном, в каютах по четыре человека. Мичмана и матросы – от шести до восьми. То есть в каюте один ты не бываешь никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ovechkin_eduard/akuly-iz-stali-avral-sbornik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)